

«НЕМАЯ ЛЮБОВЬ» ЖУКОВСКОГО*

ИЛЬЯ ВИНИЦКИЙ

Я все поджидал, что Провидение как-нибудь за меня похлопочет и пришлет мне жену. Самому хлопотать было некогда. Но Провидение ничего не сделало; верно, не суждено мне, чтобы у меня была своя семья. Лета между тем подоспели и сделали меня весьма нерешительным. Одиночество тяжело и грустно под старость, но с семейной жизнью сколько забот и зависимости!

В. А. Жуковский к А. П. Зонтаг (1831)

За четверть часа до решения судьбы моей... у меня и в уме не было почитать возможным, а потому и желать того, что теперь составляет мое истинное счастье. Оно подошло ко мне без моего ведома, без моего знания, послано свыше, и я с полною верою в него без всякаго колебания подал руку.

В. А. Жуковский — Е. И. Мойер и В. А. Елагину (1845)

Стихотворение Жуковского, начинающееся со строки «О, молю тебя Создатель...» и посвященное будущей жене поэта Элизабет фон Рейтерн (1821–1856), было впервые опубликовано в составе статьи-воспоминания графа Александра Соллогуба (1845–189?), сына известного прозаика Владимира Сол-

---

* Автор выражает искреннюю признательность М. Г. Альтшуллеру, Б. М. Гаспарову, Ж.-Ф. Жаккару, Карлу Крегеру, Джеффу Лаву, М. Ю. Люстрову, Геннадию Меерсону, В. А. Мильчиной, Михаилу Павловцу и Елене Потяркиной за разностороннюю помощь и консультации при подготовке настоящей работы. Благодарю госпожу Sylviane Messerli из Бодмеровского фонда в Колони и администрацию отделов рукописей РНБ и РГБ за предоставление прав на публикацию автографов В. А. Жуковского, Э. фон Рейтерн и М. Ю. Виельгорского.

логуба, в третьем номере малозаметного «Театрального и музыкального вестника» за 1883 г. Мемуарист, знавший Жуковского лишь *поверхностно* (по собственному признанию, он не раз сживал у старого поэта на коленях), сопроводил свою публикацию следующим несколько неуклюжим пояснением:

Когда Василий Андреевич женился, то это удивило всех его товарищей и друзей современников, так как выбор пал на немку, госпожу Рейтерн (дальнюю родственницу министра финансов). Жуковский был очень дружен с отцом Рейтерном, что и было, вероятно, причиною его поздней, но страстной привязанности к известной тогда красавице, его жене, которой он написал следующие белые стихи, никогда не бывшие напечатанные:

О, молю тебя, Создатель,
 Дай вблизи ее небесной,
 Пред ея небесным взором,
 И гореть и умереть мне,
 Как горит в немом блаженстве,
 Тихо, ясно угасая,
 Огонь смиренных лампады
 Перед образом Мадонны [Соллогуб: 6].

В примечании к публикации Соллогуб сообщал, что автограф этого стихотворения и ноты, написанные на его текст М. Ю. Виельгорским (1788–1856), дедом мемуариста, скоро появятся в приложении к «Вестнику», но это обещание исполнено не было¹. В следующей заметке Соллогуб добавил, что «молитва» Виельгорского была написана «по просьбе» самого Жуковского и относится к числу его лучших религиозных произведений [Там же: 10]².

¹ В приложении к журналу Соллогубом были напечатаны два других произведения Виельгорского — романсы “Je t’aimas” и «Не являйся, призрак милый» (№ 14).

² Сведения Соллогуба соответствуют действительности. В «Отчете Императорской Публичной библиотеки за 1869 год» сообщалось о поступлении от барона М. А. Корфа небольшого листка, на одной стороне которого содержался автограф «романса для баса» М. Ю. Виельгорского, написанного на стихи Жуковского (здесь же приводилась первая строфа), а на другой — автограф «Canone

Публикация Соллогуба осталась незамеченной. Мимо нее прошел даже такой добросовестный исследователь, как академик А. Н. Веселовский, посвятивший «последней любви» и супружеской жизни поэта целую главу своей книги [Веселовский]. Или, скорее всего, не поверил: в 1894 г. граф Соллогуб, прожигатель жизни, литератор, певец, театральный критик и мистик-спирит, оказался в центре громкого скандала, связанного с подделкой завещания миллионера Грибанова³.

В 1912 г. И. А. Бычков напечатал в «Русском библиофиле» письмо Жуковского к А. П. Елагиной, датированное публикатором 4 декабря 1840 г., в котором приводилось это же стихотворение с небольшим разночтением по отношению к публикации Соллогуба в последнем стихе:

*Пред небесною Мадонной*⁴.

В письме Жуковский специально оговаривал, что эти стихи не предназначались для печати⁵, и указывал их источник — стихотворение австрийского поэта Н. Ленау “Die Stumme Liebe” (Немая любовь). В подстрочном примечании к стихотворению Жуковского Бычков привел текст оригинала:

Liebe doch ein hold Geschick
Mich in deinen Zaubernähen,
Mich in deinem Wonneblick
Still verglühen und vergehen;

на четыре голоса» князя В. Ф. Одоевского на стихи «Знавали ль вы Москву былую» [Отчет 1869: 85]. См. также: [Федоровская: 215–216].

³ Этот уголовный процесс в свое время вызвал огромный общественный интерес, выразившийся в целом шквале публикаций, метко названных журналистом «Русского богатства» «Соллогубиадой». Сообщалось, в частности, о том, что граф Соллогуб постоянно врал в свое оправдание, сочиняя версии, противоречащие друг другу [Кривенко: 187–200].

⁴ Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, курсив в цитатах мой.

⁵ Елагина передавала ему просьбу Погодина поддержать «Москвитянин» своими стихами.

Wie das fromme Lampenlicht
 Sterbend glüht in stummer Wonne
 Vor dem schönen Angesicht
 Dieser himmlischen Madonne! [РБ 1912: 115–116]

Но и новая публикация стихотворения осталась никем не замеченной. По странной прихоти судьбы, впервые в собрание сочинений поэта оно было включено через сто лет после его создания и 57 лет после первой публикации, во втором томе «Стихотворений» Жуковского под редакцией Ц. Вольпе. Последний поместил его в редакции письма Елагиной и дал заголовков «<Е. А. Рейтерн>», под которым оно печатается во всех последующих изданиях. В примечании к стихотворению Вольпе указал, что публикует его по автографу, хранящемуся в Публичной библиотеке (см.: [Жуковский 1939–1940: II, 540]), однако современные комментаторы этот автограф по указанному шифру не обнаружили [Жуковский 1999–: II, 726] (не сохранился и автограф письма к Елагиной⁶).

«Внутренний» канон

Такова *эдиционная* история произведения, занимающего в жизни поэта особое место. В этой статье я бы хотел реконструировать историю его *создания* и рассмотреть стихотворение в контексте своеобразной теологии любви и брака, представленной в творчестве, дневниках и эпистолярии Жуковского последнего периода его жизни и известной очень узкому кругу «посвященных». Такое исследование тем более интересно, что «матримониальный вопрос» был не только одним из главных в биографии и творчестве поэта [Веселовский: 12–13], но и относился к числу основных проблем сентиментально-романтической культуры [Жирмунский: 84–90]. “Die Ehe ist das höchste Geheimnis” (супружество есть высшее таинство), — писал Новалис [Novalis: 43]. В этой связи представляется важным определить место и смысл стихотворения, обращенного Жу-

⁶ Его первый публикатор Бычков воспользовался копией, выполненной Бартевым. См.: [Отчет ИПБ 1907: 218].

ковским к будущей жене, в «тайном» каноне его творчества — т.е. группе наиболее значимых для него текстов, составляющих, используя выражение Клеменса Brentano, «священную историю [его] внутренней жизни» (“die heilige Geschichte meines Innern” [Brentano: 151]) и понятных лишь ближайшим сочувственникам. Изучение такого «внутреннего» канона в его отношении ко «внешнему», доступному читательской публике, имеет не только биографический и историко-культурный, но и теоретический интерес [Лямина, Самовер: 99–111]. Создатель поэтики “Für Wenige” вне всякого сомнения один из наиболее подходящих для такого исследования авторов, а его перевод стихотворения Ленау о немой любви — один из самых привлекательных примеров.

“Die Stumme Liebe” было напечатано Ленау в *Gedichte* 1834 г. в разделе “Sehnsucht” (Томление). Как указывают комментаторы собрания сочинений австрийского поэта, оно, по всей видимости, было вызвано к жизни его тайной влюбленностью в графиню Марию Вюртембергскую, которую он встретил незадолго до отъезда из Вюртемберга в 1833 г. (отсюда и аллюзия на деву Марию в стихотворении) [Lenau 1993–1995: VII, 477]. В библиотеке Жуковского сохранился штутгартский томик Ленау 1837 г., в котором помещено “Die Stumme Liebe” [Lenau 1837: 36], но русский поэт, судя по письму к Елагиной (см. далее), знал это стихотворение наизусть. Стихотворению «О, молю тебя, Создатель...» посвящена замечательная работа В. Н. Топорова 1977 г., в которой оно рассматривается как часть «тайного» цикла поэта, включающего стихи о последнем свидании с М. А. Мойер [Топоров: 51–77]. Т. Степанищева в своей недавней статье расширила интерпретационный контекст лирической миниатюры Жуковского, справедливо указав на символические переклички между этим стихотворением и произведениями Пушкина (прежде всего «Жил на свете рыцарь бедный...» и «Мадонна») [Степанищева: 76–85].

В. Н. Топоров и австрийский исследователь Стефан Симонек отметили ряд принципиальных изменений, внесенных переводчиком: отказ от рифмы, изменение ритмического рисун-

ка; замена «судьбы» на «Создателя», прямое обращение к последнему, а не к возлюбленной, превращающее текст в поэтическую молитву; более резкое противопоставление земной и небесной сфер; наконец, прямое соотнесение возлюбленной с Мадонной, разрешающееся в финальном point — «небо, будущая жизнь» [Топоров: 71; Simonek: 94]. Отметим также отказ Жуковского от названия (тема «немой любви», хрестоматийная для романтической поэзии⁷, имплицитована в текст), замену «чарующей близости» возлюбленной, в которой мечтает погибнуть страстный лирический герой Ленау, на своеобразный оксюморон «вблизи ... небесной», подчеркивающий возвышенную и возвышающую чистоту объекта его чувства. В свою очередь, “*in deinem Wonneblick*” (в неге твоего взора) у Жуковского передается как «*перед твоим небесным взором*», что устанавливает благочестивую и неизменную дистанцию между лирическим героем и его возлюбленной, соотнесенной с высшим миром. Можно сказать, что русский поэт последовательно смягчает эмоциональный порыв оригинала⁸ и одновременно нейтрализует его католический колорит.

Любовь, по известному афоризму Новалиса, нема, и лишь поэзия дает ей язык⁹. О чем же *говорит* стихотворение Жуковского?

Неожиданное решение

Обратимся к биографическому контексту этого произведения. К концу 1839 г. Жуковский завершает свою главную общест-

⁷ В немецкой и английской романтической поэзии можно насобирать с десяток одноименных стихотворений, многие из которых стали популярными романсами.

⁸ Ср. перевод этого стихотворения Константином Бальмонтом: «Да позволит мне мой рок, // Близь тебя от чар сгорая, // В неге глаз, чей взор глубок, // Озариться умирая. // Как лампы кроткий свет // Умирает, нежно-сонный, // Перед ликом светлых лет, // Пред небесною Мадонной» (1908) [Бальмонт: 68].

⁹ “Die Liebe ist stumm, nur Poesie kann für sie sprechen” [Novalis: 244].

венную миссию — воспитание вел. князя Александра Николаевича. Предстоящая женитьба последнего на принцессе Гессенской Марии (в поисках невесты для великого князя Жуковский, как известно, принимал самое непосредственное участие) должна была стать, по замыслу поэта, символическим финалом его более чем двадцатилетней придворной деятельности. Впрочем, его пока не отпускают: в марте 1840 г. поэт назначен учителем принцессы Марии и отправляется в свите великого князя в Дармштадт. По возвращении в Петербург ему предстоит заняться надзором за учением великих князей. Эти свои назначения он тем не менее воспринимает как временные и в письмах к государю и государыне постоянно затрагивает тему своего ухода на подобающих ему за столь долгую и верную службу условиях. Главный план на будущее — обустройство имения Мейерсгоф (Меэри) в Эстляндии, где он намерен поселиться на всю оставшуюся жизнь в «счастливом вместе» со своими родственниками. Перед отъездом в Германию он просит императрицу и наследника в случае его смерти «принять под свое покровительство» семейство Александры Воейковой «и исполнить в их пользу то, что назначено» в его завещании 1837 г. [Гофман: 251]. В апреле поэт приезжает в Дармштадт, откуда время от времени совершает визиты к друзьям во Франкфурт и Дюссельдорф. В мае он пишет письмо государыне, в котором представляет себя одиноким человеком, выброшенным в чуждый ему «новый мир», — своего рода «старым рыцарем», для которого будущее состоит лишь в печальных воспоминаниях счастливого прошлого [Жуковский 1999–: XIV, 205], см. также [Памяти Жуковского: 50–51].

В середине мая Жуковский задумывает отправиться летом в путешествие по Рейну со своим другом и постоянным собеседником, прусским политическим деятелем и религиозным мыслителем Иосифом фон Радовицем. В дневнике поэт рассказывает о помолвке великого князя, размышляет о «философической истории книгопечатания», описывает свои занятия русской грамматикой с принцессой, встречи с друзьями, прежде всего с Радовицем, который читает ему свои философские фрагменты; пишет о своих впечатлениях от картин художни-

ков дюссельдорфской школы (он задумывает написать книгу о современном искусстве Германии). А в июне *вдруг* принимает решение жениться на дочери своего друга, дюссельдорфского художника на русской службе Герхардта фон Рейтерна, с которой коротко виделся всего несколько раз в жизни и которой был почти в три раза старше. 14 июня, за 15 минут до отъезда из Дюссельдорфа, он узнает от отца девушки, что счастье его возможно: она давно питает к нему нежные чувства. Уже через неделю поэт пишет письмо к Николаю I с просьбой обеспечить существование его будущей семьи (это письмо он читает вслух своему будущему тестю). В начале августа просит руки Элизабет, немедленно получает ее согласие; в конце сентября переписывает свое завещание в пользу будущей жены [Жуковский 1999—: XIV, 223], и свадьбу назначают на май следующего года: нужно было съездить в Россию, чтобы уладить имущественные дела, а также присутствовать на торжествах 16 апреля 1841 г. по случаю бракосочетания наследника и принцессы Марии.

Хотя, как известно, любви покорны все возрасты (или, как поется в арии из юношеской комической оперы Жуковского, «Любить не поздно никогда» [Жуковский 1902: IV, 105]), известие о неожиданном решении 57-летнего поэта вызвало, мягко говоря, недоумение в самых разных кругах, мнением которых он дорожил: неравный брак, к тому же с чужестранкой; противоречие с давно сложившимся образом одинокого поэта, живущего мечтой о недостижимой возлюбленной, «измена прежнему романтическому идеалу» — памяти о Маше Протасовой-Мойер¹⁰. Впоследствии историк литературы

---

¹⁰ Слухи о женитьбе Жуковского, «одетые в пестрые комментарии», быстро достигли России и взволновали друзей и родственников поэта. Так, А. П. Елагина писала Жуковскому, что, услышав, что он женится «на какой-то Саксонской Графине», испугалась: «мало ли кому весело вас запутать в сети <...> расчета и коварства» (письмо от 1 сентября 1840 г. [Переписка Жуковского: 468]). Узнав настоящее имя избранницы поэта, она успокоилась: Жуковский, как следует из ее письма, рассказывал ей раньше о «миллой семье» Рейтернов.

Л. Н. Майков назвал решение стареющего поэта вступить в брак «событием, не только неожиданным для его друзей, но не совсем понятным и с психологической точки зрения» (он, правда, тут же привел несколько психологических причин, но, кажется, сам остался ими не вполне убежден) [Майков: 66]. Конечно, поздняя («вечерняя») любовь — нередкий сюжет в биографиях известных поэтов романтической эпохи. Но Жуковский не был «титаническим старцем» Гете¹¹, и его романтический энтузиазм звучал явным диссонансом по отношению к им же созданной меланхолической истории его жизни.

Апология брака

Вторую половину лета и начало осени 1840 г. поэт проводит за письмами, в которых дает религиозно-мистическое обоснование своему решению, встраивает его в свою жизненную и поэтическую легенду, магистральным сюжетом которой являлось долгое и покорное ожидание жены и семейного счастья¹². Разным адресатам поэт направляет послания, ориентированные на индивидуальные ожидания этих адресатов. В целом же его объяснения сводились к следующему. Не он, а Провидение все решило: чудесное стечение обстоятельств в течение почти

---

¹¹ Поздняя любовь Гете к юной Ульрике фон Левецов, нашедшая отражение в трагической “Trilogie der Leidenschaft”, Жуковскому несомненно известной.

¹² Потерпев поражение в борьбе за Машу Протасову, Жуковский не оставил мысли о браке, но обретение жены и семейного счастья он связывал теперь исключительно с волей Промысла: «Кое-как буду путь опасный, // Судьбе отдавшись, продолжать! // Беречь свой челн от потопленья // Среди неверной глубины, // *И терпеливо доставленья // Ждать мне обещанной жены*», 1820) [Жуковский 1999–: II, 219]. Друзья не раз пытались подыскать невесту для поэта, но их попытки успеха не имели. В начале 30-х гг. Жуковский, казалось, и сам потерял надежду: «... верно не суждено мне, чтобы у меня была своя семья. Лета между тем подоспели и сделали меня весьма нерешительным. Одиночество тяжело и грустно под старость, но с семейной жизнью сколько забот и зависимости!» [Веселовский: 13].

пятнадцати лет — от приезда молодого однорукого «красавца» Рейтерна в Дерпт в 1826 г. (т.е., заметим, через 3 года после смерти Марии Мойер) до объяснения с его дочерью, которую поэт впервые увидел за семь лет до этого. К своей избраннице он питает не романтическую страсть (оглядка на Гете или, не дай Бог, пушкинского Мазепу?), но тихое ясное чувство, граничащее с небесной религией. Ее мгновенное согласие выйти за него замуж было не только абсолютно добровольным (мать и отец не вмешивались), но явилось следствием ее необъяснимой, чуть ли не с первого взгляда, любви к нему, о которой она рассказала матери. Предстоящая женитьба на ней — награда Провидения за пройденную жизнь, причем награда, явившаяся тогда, когда он уже отказался от каких-либо надежд на будущее¹³, смирился перед фактом одинокой старости (которую он еще совсем недавно «предвидел» в лирическом монологе Камозенса из одноименной поэмы). Этот брак будет его возвращением к *самому себе* после долгих лет служения *другим*, заключительной главой его «вечереющей» жизни, подготовкой к жизни вечной, в которой все прекрасное, «родное», утраченное в земной жизни, сольется в единое целое. Земным же прообразом этой мистической встречи ему видится «счастливое вместе», которое должно наступить года через два: тихая жизнь с родными «под общею кровлею» в своего рода духовной коммуне, включающей старых и новых членов его семьи, живых и мертвых. Жуковский как бы подтягивает главные линии и «эпохи» своего «милого прошлого» к настоящему, представляя нынешний момент своего рода биографической кодой, предшествующей счастливой развязке. Этот

---

¹³ «Вы знаете и любите мою невесту, — писал Жуковский А. О. Смирновой-Россет в сентябре 1840 г. — Не пугайтесь ея молодости и моей старости: когда расскажу вам при личном свидании, как это сделалось, то вы убедитесь, что я не поступил здесь, как юноша, обольщенный чувством, что уже мне не к лицу и не под лета, а просто с *смирною благодарностью принял от Бога бесценный дар, им самим мне приготовленный и дарованный мне без моей заслуги*. Да сохранит он мне это сокровище!» (цит. по: [Филькина: 393]).

провиденциальный оптимизм, кстати сказать, отличает концепцию «поздней любви» Жуковского как от гетевского трагического индивидуализма, бросающего вызов смерти (*Trilogie der Leidenschaft*), так и от «блаженной безнадежности» «Последней любви» Тютчева.

Следует заметить, что в чуть ли не пророческом энтузиазме Жуковский интерпретирует весну–лето 1840 г. как своеобразный рубеж, разделяющий, по воле Промысла, «эпохи» не только его жизни, но и европейской истории и жизни членов императорской семьи: смерть отца императрицы, прусского короля Фридриха Вильгельма III, начало царствования его сына (друга поэта), готовящаяся женитьба великого князя. Характерно, что даже в заказанной гр. Бенкендорфом статье о встрече в Дармштадте императорской семьи и принцессы Марии, поэт, — как мы полагаем, намеренно — использует тот же символический образ завесы и ту же провиденциальную риторику, что и в письмах к родным о своем прошлом и будущем¹⁴. В свою очередь, в письме к новому прусскому королю Жуковский говорит о мистическом значении «сорокового года» в анналах Пруссии XVII–XIX вв. (письмо от 14 июня 1840 г.) [РБ 1912: 148]. Таким образом, резкая перемена судьбы немолодого поэта оказывается в его рассуждениях частью общего обновительного плана Провидения¹⁵.

---

¹⁴ «Кончиною отца, как будто завесою таинственною, вдруг опустившеюся с неба, вся прошедшая жизнь императрицы отделилась от настоящего. И что же? В эту самую минуту, столь решительную, столь полную скорби и провидения, она должна вдруг обратить глаза свои на будущее, которое посреди этого мрака души неземною печалию возвеличенной является радостным, как ясная молодость: ее ждет невеста сына и она встретит ее теперь уже не одна, а вместе с государем, который так неожиданно таким печальным путем, не своею, а высшею волею приведен к сей радостной встрече. Во всем этом не заключается ли чего-то глубокозначительного, вселяющего благоговейную веру в будущее?» [Жуковский 1878: VI, 40–41].

¹⁵ Впрочем, полностью вверяя себя воле Провидения, Жуковский не забывает приложить максимум усилий, чтобы добиться матери-

Свое каноническое выражение эта мистическая апология брака находит в его длинном письме к родным, которое поэт писал в течение месяца, с 10 (22) августа по 5 (17) сентября¹⁶. Это письмо «с несколькими адресатами» («Бунинцам») было задумано Жуковским как некая лирическая исповедь-манифест, предназначенная не для печати, но для совместного чтения в кругу друзей и близких: его действительно читали вслух за границей, в Петербурге и Москве, о чем сохранилось несколько свидетельств; читал он это письмо и самой невесте, разумеется, в переводе. Иными словами, свою последнюю любовь Жуковский сделал культурным фактом, вскоре поэтически (символически) обобщив ее в «Посвящении» к поэме «Наль и Дамаянти» (1842) и в лирических рассуждениях о браке в этой поэме и других произведениях, вплоть до «Одиссеи». И убедил современников¹⁷. Бессемейный А. И. Тургенев приветствовал предстоящую женитьбу своего старинного друга как долгожданное освобождение последнего «от придворного ига» и реализацию многолетней мечты о семейном рае (см.: [Веселовский: 337]). Как «чудное стечение обстоятельств», приведших поэта «к давно желанному и не *исканному* святилищу домашнего счастья», восприняла историю последней любви Жуковского благочестивая Елагина [Переписка Жуковского: 469]. «Жуковский, — много лет спустя суммировал биографическую легенду поэта князь П. А. Вязем-

---

ального обеспечения своей будущей семьи: в письме к Государю, написанном более чем за месяц за предложения и в деталях согласованном с будущим тестем [Жуковский 1999–: XIV, 211], он пишет, что предает свою участь в руку монарха, «как в руку Провидения» [Памяти Жуковского: 52].

¹⁶ Письмо к Е. А. Протасовой и к прочим родным о браке его с девицей Фон-Рейтерн, писанное в Дюссельдорфе, 10 Августа по 5 Сентября 1840 года [Жуковский 1869: VI, 751–783].

¹⁷ Справедливости ради, следует сказать, что не всех. Друг и биограф Жуковского К. Зейдлиц, по всей видимости, так и не простил ему измены памяти Маши. В немецкой жене поэта и ее пие-тистском окружении Зейдлиц видел причину душевных страданий поэта в последние 12 лет его жизни [Зейдлиц: 175–248].

ский, — был *очищенный* Руссо. Как Руссо, и он на шестом десятилетии жизни испытал всю силу романической страсти, но впрочем это была не страсть и особенно же не романическая, а такое светлое сочувствие, которое освятилось таинством брака» [Жуковский в воспоминаниях: 213]¹⁸.

Тоска по отчизне

Литературный характер письма Жуковского о браке с Е. Рейтерн очевиден и заслуживает отдельного разговора. Заметим лишь, что, восстанавливая канву событий с точностью дневниковых записей¹⁹, поэт незаметно стилизует свою любовную историю под немецкий мистико-романтический роман (или поэму), в котором поиск героем идеальной жены подчинен воле таинственного провидения²⁰. Одним из источников этой,

¹⁸ В 1854 г. Вяземский посетил места, где Жуковский в 1833 г. впервые увидел свою будущую жену (Ве́ве и Верне на берегу Женевского озера). «В этом доме, — писал он о вернейском домике поэта, — Жуковский, вероятно, часто держал на коленях своих маленькую девочку, которая тогда неведомо была его суженая и позднее светлым и теплым сиянием озарила последние годы его вечерней жизни» [Жуковский в воспоминаниях: 213]. Нам уже доводилось писать, что с размышлениями Вяземского о «вечерней любви» его друга связано его собственное стихотворение «Моя вечерняя звезда» (1855; с указанием на место создания: «Ве́ве») [Виницкий 1998: 25].

¹⁹ Мы здесь оставляем без обсуждения вопрос о том, какие события Жуковский находит нужным отразить, а о каких умалчивает.

²⁰ Не случайно А. Н. Веселовский вспоминает в связи с историей поздней любви и женитьбы поэта, рассказанной им самим, биографию и произведения Новалиса [Веселовский: 233–237]. Еще раньше К. Зейдлиц, комментируя «туманное» место в «Посвящении» Жуковского к поэме «Наль и Дамаянти», утверждал, что поэт «стремится уподобить образ жены с образом идеала своей юности и зрелых лет Машею» [Зейдлиц: 189]. А. Блок в рецензии на книгу Веселовского идет еще дальше: образы Маши и жены, считает он, сливаются в сознании Жуковского в символе «вечной женственности» [Блок: V, 576]. В свою очередь, с такой «новализацией» поэтического мироощущения Жуковского не согласился

как я полагаю, сознательной стилизации послужило его собственное произведение, в свою очередь, связанное с историей его взаимоотношений с семейством Рейтерна. Речь идет об описании провиденциальной встречи рыцаря Гульбранда с юной Ундиной в патриархальном семействе старого рыбака в знаменитой поэме-сказке (1832–1837). Изображение семейной идиллии на берегу «светло-лазурного» моря в пятой главе этой поэмы, по всей видимости, навеяно воспоминаниями поэта о пребывании на берегу Женевского озера «в Верне, в моем тогдашнем семейном круге» (то есть семействе Рейтерна) на рубеже 1832–33 гг., и в замке Виллингсгаузен в августе 1833 г.:

Может быть, добрый читатель, тебе случалось в жизни,
 Долго скитавшись туда и сюда, попадать на такое
Место, где было тебе хорошо, где живущая в каждом
Сердце любовь к домашнему быту, к семейному миру
С новой силой в тебе пробуждалась; и снова ты видел
 Край родимый; и все обаяния младости, блага
 Первой, чистой любви на могилах минувшего сна
 В прежней красе расцветали, и ты говорил, отдыхая:
 Здесь живет сладко, здесь сердцу будет приятно
 [Жуковский 1999–: IV, 130]²¹.

В предисловии к «Ундине», написанном для вел. княжны Марии Николаевны в июле 1836 г., Жуковский указывал, что начал свою сказку в Швейцарии, «живя в совершенном уединении на берегу Женевского озера» [Там же: 482]. В письме к «бунинцам» о своей помолвке он говорит о вернейском пребывании в семействе Рейтерна, что «это была одна из тех эпох жизни, которая, прекращаясь, оставляют в душе неизъяснимое чувство тоски по отчизне. Мне казалось, что Провидение

Б. Зайцев: «Маша есть Маша и неповторима, никогда Елизаветой ей не быть, и болезненные ухищрения эти Жуковскому чужды (как и вообще христианину)» [Зайцев: 155].

²¹ О биографическом подтексте начала пятой главы, понятном *немногим*, знакомым с обстоятельствами жизни поэта, писал еще К. Зейдлиц [Зейдлиц: 157].

опять хотело порадовать мне душу минутным зрелищем желанного мечтательного, того, что видим во сне и что никогда не сбывается, но за этим воздушным призраком таилось и существенное» [Жуковский 1869: VI, 755]. Расставшись же с замком Виллингсгаузен, он «унес... с собою грустное воспоминание о моем пролетевшем ангеле, с которым, казалось, простился на веки» [Там же: 761]. В упоминавшемся выше письме к Жуковскому по поводу его помолвки А. П. Елагина признавалась, что ей «стало так радостно, как будто я сама была с вами в этой милой семье, которую через вас знаю, *и где вам так давно уже хорошо душевно*» [Переписка Жуковского: 468]²². Выделенные слова не что иное, как скрытая цитата из пятой главы «Ундины».

Вернемся к письму поэта к родным. Жуковский вспоминает, что «[т]ри дня, которые провел я в этом старинном замке прошли, как светлый сон, и когда мы прощались, то старшая дочь моего Безрукого, тогда 13-ти летний ребенок, кинулась мне на шею и прильнула ко мне с необыкновенной нежностью, это меня тогда поразило, но, разумеется, никакого следа на душе не оставило» [Жуковский 1869: VI, 756]. Кажется, что эта милая непосредственность не только оставила след в душе поэта, но и нашла выражение в его лирической сказке: «... она ж, приподнявшись, // Руки вокруг шеи его обвила...»; «...Ундина прижалась к рыцарю»; «Около вечера с нежностью робкой Ундина, взявши Гульбранда // За руку, тихо его повлекла за собою»; «Вскрикнула, вспрыгнула, кинулась к милому в

---

²² Жуковский показывал Елагиной рисунок, изображавший семейную обстановку Рейтернов: «Сейчас увидела я вас в этой комнате, внутренностью которой мы так радовались в рисунке, раздаются звуки фортепиано; подле вас с одной стороны эта благородная фигура Рейтерна, с другой Ангельская рожица, которая пленила вас в вашем же портфеле, — вам хорошо, спокойно, behaglich, сердце полно и раздельно» [Зейдлиц: 157]. Семейные сцены в интерьере любила рисовать и сама Элизабет [Kaiser: 127].

руки Ундины, // Грудью прильнула ко груди его и на ней онемела»²³.

Вообще в юной Элизабет, как и в героине его сказки, поэта прельщала «милая веселость с важностию ума и чувства». Так, в дневнике 1840 г. (уже после помолвки) он отмечает, что за совместным чтением газет неожиданно почувствовал «милую ножку на моей», и сам для себя комментирует эту шалость: «<В>се так младенчески чисто и невинно; у нее и тени нет неприличной мысли» [Жуковский 1999–: XIV, 219]. О смешной naïvete Элизабет говорится и в записи от 14 (26) сентября 1840 г.: невеста поэта сказала, что было бы хорошо, если бы ее отец запер их вдвоем в комнате. «Она ничего не знает и не подозревает», — заключает 57-летний жених [Там же: 221].

Давно было замечено, что Жуковский включил в пятую главу своей поэмы историю старого рыбака, отсутствующую в оригинале [Зейдлиц: 157; Ланда: 542]. У русского поэта — это бывший воин, много испытывавший на своем веку, мудрый собеседник жениха Ундины:

Рыбак был мудрец простодушный;
Зная людей, изведав тревоги житейские, бывши
Ратником сам в молодых летах, на досуге он много
Мог рассказать про войну и про счастье, несчастье земное;
Словом, он был живая летопись...

[Жуковский 1999–: IV, 130]

Выскажу предположение, что эта интерполяция была вызвана желанием поэта придать черты сходства приемному отцу Ундины с Рейтерном, ветераном наполеоновских войн, другом и собеседником Жуковского. Актуализации воспоминаний о милом семействе могло способствовать тесное общение поэта с Рейтерном в августе–сентябре 1835 г. (пятая глава «Ундины» закончена в октябре)²⁴.

²³ Сближение Жуковским «осемнадцатилетней Ундины» с 13-летней Элизабет симптоматично: романтические Гульбранды были всегда немножко Гумбертами.

²⁴ В предисловии к поэме Жуковский соединяет воспоминания о своем пребывании в Верне с воспоминаниями о тихой жизни в

«Старшая дочь Рейтерна, 19-ти лет, — вспоминал Жуковский о новой встрече с Элизабет в 1839 г., — была предомною точно как райское видение, которым я любовался от полноты души просто как видением райским, не позволяя себе и мысли, чтоб этот светлый призрак мог сойти для меня с неба и слиться с моею жизнью» [Жуковский 1869: VI, 760]. Симптоматично, что это описание также дано в стилистике «Ундины»: «...каким-то // *Райским виденьем* сияла она»; «*призраком светлым* сидела Ундина» (выделенные слова отсутствуют в оригинале Фуке).

Подобные словесно-ситуативные переключки свидетельствуют не только о предыстории «неожиданной женитьбы» поэта, известной лишь самому близкому кругу друзей²⁵, но и о том, как тщательно встраивал Жуковский свою любовную историю в собственное художественное творчество и — шире — в рыцарско-романтическую модель, образцом которой была сказка Фуке. Нужно сказать, что подобная житетворческая ориентация на произведения Фуке была характерной для романтически настроенных натур²⁶.

«сельском уединении близ Дерпта», на мызе Элистфер, где в 1836 г. была закончена «Ундина». Такой реминисцентный «наплыв» вообще характерен для восприятия Жуковским прошлого: все прекрасные воспоминания — родня (ср. его признание из письма к родным о том, как любовь к Элизабет возродила в нем воспоминания о самых счастливых моментах его прошлой жизни, от Муратово до Элистфера). Между тем время создания пятой главы «Ундины» (октябрь 1835 г.) свидетельствует о том, что под «местом, где тебе было хорошо», в поэме подразумевается именно «локус Рейтернов».

²⁵ Мы почти ничего не знаем о фактической стороне этой «предыстории», но то, что женитьба поэта на дочери Рейтерна не была такой внезапной, какой ее описывает Жуковский, представляется нам очевидным.

²⁶ Например, прусская принцесса Шарлотта, ученица Жуковского, в юности стилизовала свою жизнь под рыцарский роман Фуке “Der Zauberring” [Илатовская, Пахомова-Герес: 8–9].

Образ души

В контексте быстро творимого поэтом мифа о чудесной любви к небесному созданию²⁷, неожиданно явившемуся ему на закате жизни (вариация на старую тему «мимопролетевшего гения», на этот раз, правда, задержавшегося), особое место занимает тема «видимого образа» возлюбленной. Вообще избранница поэта в его письмах таинственно молчит и лишь смотрит или позволяет смотреть на себя. Так, в письме к родным Жуковский несколько раз упоминает ее чудесный взгляд, обращенный на него: «...когда ея глаза поднимались на меня от работы (которую она держала в руках), то в этих глазах был *взгляд невыразимый, который прямо вливался мне в глубину*» [Жуковский 1869: VI, 760]; «она смотрела на меня с палубы *таким взглядом, который опять заволновал душу и опять мог бы произвести в ней все, от чего уже она давно отказалась*, если бы я мог дать ей на то волю» [Там же: 765]. Наконец, ангельский образ «непорочной» Елизаветы вызывает у поэта воспоминание о том впечатлении, которое некогда произвела на него Мадонна Рафаэля:

Я любовался ею, как образом Рафаэлевой Мадонны, от которой после нескольких минут счастья удаляешься с тихим воспоминанием и... Однако нет; в тогдашнем чувстве, с которым смотрел я на это ангельское лицо, не было того совершенного покоя, с каким смотришь на тихую Мадонну; оно было соединено с грустью; мне было жаль себя, смотря на нее и чувствуя, что молодость сердца была еще вся со мною, я горевал, что молодость жизни миновалась и что мне надобно проходить равнодушно мимо того, чему бы душа могла предаться со всем неистощенным

²⁷ Характерно, что свою белокурую голубоглазую Ундину (*водный дух*) русский поэт называет «*небесной*» (этого эпитета у Фуке нет). В свою очередь, в письмах и дневниках Жуковского «небесная» — постоянная характеристика голубоглазой Элизабет («Пред ее небесным взором», «вблизи ее небесной»).

жаром своим и что однако навсегда должно ей остаться чужды [Жуковский 1869: VI, 760]²⁸.

Материальным отображением этого «ангельского лика» является портрет Элизабет фон Рейтерн кисти профессора дюссельдорфской школы живописи К. Ф. Зона (1805–1867), который поэт заказал еще в августе 1840 г. и привез в Россию *вместо* своей невесты. Этот портрет он показывает друзьям, предварительно оповестив самых близких о том магическом эффекте, который даже эта бледная копия должна иметь на посвященного.

«Вообразите идеал немки, — писал только что “посвященный” Жуковским Плетнев к Я. К. Гроту. — Белокурая, лицо самое правильное, потупленные глаза, с крестиком на золотом шнурке; видна спереди из-под платья рубашечка; края лифа у платья на плечах обшиты тоже чем-то в роде узенькаго галуна; невыразимое спокойствие, мысль, ум, невинность, чувство — все отразилось на этом портрете, который я назвал не портретом, а образом. Точно можно на нее молиться. Самая форма картины, вверху округленной, с голубым *fond* — все производит невыразимое впечатление. Весь вечер мы любовались на

---

²⁸ Т. Степанищева указывает на «пушкинский подтекст» сравнения невесты с Мадонною. Об актуальности пушкинской темы для поэта в это время свидетельствует тот факт, что вскоре (19 и 20 августа) после объявления помолвки Жуковский читает в присутствии невесты свое письмо о смерти Пушкина, опубликованное в «Современнике» 1837 г. Скорее всего, поэт воспользовался переводом этого письма Р. Липпертом в только что вышедшем немецком двухтомнике переводов из Пушкина: *Alexander Puschkin. Dichtungen. Aus dem Russischen übersetzt von Robert Lippert. Leipzig 1840, Bd. 2*. Этот перевод был перепечатан в венском *Jahrbücher der Literatur* (Bd. XCI. S. 221–231). Кульминацией этой важной в творчестве Жуковского статьи является описание смерти-преображения поэта: «что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубоко-удовлетворяющее знание». Таинство смерти — тема, часто обсуждавшаяся в семье Рейтерна. Впрочем, как иронически заметил Жуковский, Элизабет в конце «вздремнула под мое красноречие» [Жуковский 1999–: XIV, 216].

этот образ» [Переписка Грота: I, 128]²⁹. «Привезу ее портрет, — пишет поэт в Москву А. П. Елагиной. — Он вас порадует так же, как и меня; другие черты к тому же идеалу, который мы с вами в жизни любили и любим. *Видимый образ того, что всегда в душе таилось*» [Переписка Жуковского: 472]³⁰.

Другим «материальным» носителем души возлюбленной в его поездке в Россию являются ее письма, которые поэт обещает привезти Елагиной: они «то же, что ее лицо. Как весело дать вам прочесть эти письма и показать вам этот портрет» (письма он дает почитать также императрице). К сожалению, письма Элизабет к Жуковскому того времени до сих пор не найдены, и нам трудно судить об их «небесном» содержании³¹. Вообще о юной невесте Жуковского известно крайне мало³²: была очень религиозной, хорошо пела, рисовала, интересовалась поэзией, сама сочиняла.

²⁹ Зон написал в 1840 г. два портрета Элизабет: один en face в полный рост, с Библией в руках, и другой маленький, en profil. Последний Жуковский взял с собою в Россию. Необычная форма маленького портрета, характерная для религиозной живописи, объясняется, как мы полагаем, тем, что это часть заказанного художнику триптиха, изображающего сестер Рейтерн.

³⁰ В этой связи следует заметить, что непосредственным *эстетическим* контекстом образного строя стихотворения «О, молю тебя, Создатель» (молитва перед ликом Мадонны) являются картины художников Дюссельдорфской школы, прежде всего ее религиозного крыла, с их мечтательными Мадоннами (Жуковский обратил внимание на Мадонну Дегера), печальными святыми Елизаветами, культом мистической любви и связанной с ней высокой печали. См., в частности, главу «The Dusseldorfers» в: [Muther: 255–267].

³¹ Жуковский придавал своей переписке с невестой важное значение, каждому письму давался номер (возможно, поэт задумывал «тайную» эпистолярную книгу).

³² Проблема не столько в отсутствии документов, сколько в отсутствии интереса со стороны исследователей. Дело в том, что роль Е. А. Жуковской в жизни поэта с самого начала казалась биографам и историкам литературы если не малозначительной (особенно в сравнении с ролью Марии Протасовой-Мойер), то уж точно

Духовную атмосферу ее семьи в очень общих чертах обрисовал К. Зейдлиц (с ней лично не знакомый и явно к ней не расположенный): строгая набожность, безусловная вера в Провидение, постоянная сосредоточенность на борьбе с реальными и мнимыми грехами. В своей книге академик Веселовский привел фрагмент из рассказа Элизабет о ее знакомстве с поэтом (записанного по просьбе последнего), свидетельствующий о романтической экзальтации молодой женщины. В ОР РГБ хранится автограф Элизабет, относящийся к августу 1839 г. и озаглавленный “Mein Glaubensbekenntnis” (“Auf dem Grund der heiligen Schrift, und nach der Anleitung des apostolischen Glaubensbekenntnisses...”) — изложение своего понимания канонических формул символа веры, практикуемое в благочестивых лютеранских семьях: хвала “allmächtigen Schöpfer aller Dinge” (всемогущему Творцу сущего), благодарность за Его беспредельную любовь к творению, благодать и невыразимое добро (“seine Gnade und unaussprechliche Güte”); моление о даровании сил и терпения в борьбе с собственными грехами и пороками (“meine Sünden und Mängel mit großem Langmuth”), надежда на «невыразимую» (“unaus”) любовь Девы Марии и т.д. [ОР РГБ. Ф. 104. Картон 2. № 20].

По словам доктора Карла Крегера, к которому мы обратились за консультацией, скорее всего этот текст был написан девушкой по настоянию ее отца, причем, в связи с какими-то серьезными обстоятельствами. Напомним, что в июне 1839 г. Жуковский посетил замок Виллингсгаузен, откуда отправился вместе с отцом Элизабет в Берлин, а потом в Петербург. В июле этого года он признался Рейтерну в своей любви к его

неблаговидной (тяжелая нервная болезнь, измучившая ее и ее мужа, так и не сумевшего вернуться в Россию, где его ждали друзья). Еще одной причиной отсутствия внимания к жене поэта является ее полная принадлежность культуре немецкой: ее психологический тип, воспитание и убеждения характерны для немецкого (более того, гессен-кассельского) культурного ареала, весьма далекого от России, хотя и исключительно привлекательного и важного для ее супруга.

дочери и получил уклончивый ответ. Хотя Рейтерн и сказал, что не будет говорить с дочерью о признании Жуковского, весьма вероятно, что ее августовская исповедь была инициирована отцом в качестве духовного испытания.

Очевидно, в сознании Жуковского Элизабет воплощала не только идеал немецкой жены, о чем не раз писали друзья поэта, но и возвышенную религиозность, которую столь ценили немецкие романтики и образцы которой русский поэт некогда находил в сестрах Протасовых и прусской принцессе Шарлотте — великой княгине Александре Федоровне. Именно в этом смысле и следует понимать слова из письма к Елагиной о «видимом образе того, что *всегда* в душе таилось».

Невольный перевод

Симпатично, что сразу за этими словами в письме к Елагиной и следует фрагмент, содержащий перевод из Ленау, служащий своего рода поэтическим комментарием к «религиозному» портрету кисти Зона и «небесным» письмам самой Элизабет:

В самый день моего первого отъезда из Дюссельдорфа, когда еще и в мысль не входила мне возможность того, что через несколько часов решилось для меня на всю жизнь. Мы играли в одну игру, которая состоит в том, чтобы угадать стихи, написанные навыворот, сохранив порядок слов, но перестановив все буквы. Я написал, без намерения, 8 стихов из Ленау и отдал их ей для отгадки, и она разобрала эти стихи, а в вечеру того дня они сделались надписью к моей жизни; я их перевел или, лучше сказать, усвоил. Вот они... [Переписка Жуковского: 472–473]

Следует заметить, что в письме к родным, своего рода официальном отчете поэта о случившемся с ним в Дюссельдорфе, подробно рассказывается об этом «решительном» дне в его жизни (14 июня 1840 г.), но нет ни слова о стихотворении из Ленау. Очевидно, оно было предназначено для *самых немногих*. Вообще же приведенный фрагмент из письма к Елагиной представляет собой не столько историю написания стихотворения, сколько рассказ о его чудесном рождении, призванный показать, что частная жизнь поэта тайно направляется к счастливой

цели самим Провидением. Каждая стадия создания этого *невольного* перевода (самим Промыслом направляемого) значима.

Исходный пункт — домашняя игра. Тихие вечера в семейном кругу, с музыкой, чтением стихов, невинными играми и духовными беседами, — одна из главных моральных и эстетических ценностей «миллой семьи» Рейтернов-Шверцелей. Старинный друг семьи Радовиц писал в своих мемуарах о том особом влиянии, которое имела на его эстетическое и нравственное развитие атмосфера этого идеального семейства [Nassel: 152]. (Заметим, что в семье был особый культ юной Элизабет, несомненно повлиявший на русского поэта). В альбоме Жуковского 1840-х гг. 14 июня 1840 г. датируется рисунок дюссельдорфского дома, где жили Рейтерны: дом в саду, слева от него — арочные ворота. Следующим днем датирован рисунок с палубы «провиденциального» для поэта парохода [ИРЛИ 27.803. СХСVIII б. 74, л. 8].

Выбор стихотворения Ленау Жуковский намеренно называет ненамеренным (чтобы подчеркнуть неучастие индивидуальной воли в процессе, руководимом Провидением), но едва ли это так. Стихотворение австрийского поэта-меланхолика удачно передает состояние Жуковского до объяснения с отцом Элизабет: любовь без надежды³³. В свою очередь, «немое»

---

³³ В культурном сознании конца 1830-х гг. Ленау воспринимался как меланхолический поэт-страдалец, живущий, не живя, и любящий без надежды на счастье: «вечная тоска высказывается в его стихотворениях, даже тогда, когда нечаянно радость, весна оживят его сердце, и он вздохнет свободнее и отраднее, даже и в песни радости слышен стон больного сердца» [Неверов: 57]. Позднее А. Н. Баженов использовал для общей характеристики лирики австрийского поэта стихотворение, привлечшее внимание Жуковского: у Ленау не любовь, а «желание любви», «он сам называет любовь свою *немою* и говорит, что она похожа на тот тихо мерцающий огонек, которым теплится лампадка перед прекрасным божественным ликом Мадонны (*Stumme Liebe*)» [Баженов: 335]. В то же время немецкая и вслед за ней русская критика конца 30-х гг. противопоставляла Ленау поэтам «юной Германии»: «Ленау без сомнения принадлежит к лучшим украшениям ны-

объяснение в любви через чужое стихотворение — традиционный для романтической культуры прием. В перемешанных буквах возлюбленная угадывает оригинал (подобное угадывание интерпретировалось в романтическом каноне как знак родства душ; вспомним Вертера и Лотту, «прочитавших» в грозе Клопштока)³⁴. Полагаю, что в этом случае для Жуковского и его адресата актуализировалось уже первое слово оригинала “Liebe” — его при желании можно прочесть не только как условное наклонение от глагола «сохранить», но и как старинную уменьшительную форму имени “Elisabeth”³⁵.

Наконец, поздним вечером или ночью, уже после разговора с отцом Элизабет, когда семейное счастье вдруг оказалось возможным, Жуковский переводит стихотворение Ленау на русский язык, тем самым не только «усваивая» его, коренным

нешней Германской литературы; все его произведения обнаруживают самобытную творческую силу, а воображение его никогда не рисуется в грязных картинах новой литературной школы» [Губер: 18].

³⁴ Скорее всего, Элизабет уже была знакома с текстом стихотворения Ленау, а может быть, и с какой-то его музыкальной версией, бытовавшей в конце 1830-х гг. Было бы заманчиво предположить, что в ее вокальном репертуаре (см. запись Жуковского о пении Елизаветы в Виллингсгаузене летом 1839 г. [Жуковский 1999–: XIV, 178–179]), был и романс на слова “Stumme Liebe”. О музыкальных произведениях на стихи Ленау 1830-е гг. см. [Palmer: 268]. Неполный указатель песен на стихи “Stumme Liebe” см.: [Challier: 810; Gibson: 308].

³⁵ Имя *Liebschen* приводится, в частности, в имевшейся в библиотеке поэта известной поэме Карла Кортума «Джобсиада» “*Unsers reichen Nachbars sein Liebschen // Vermeldet dir ein herzliches Grüßchen, // Das Mädchen wird artig und fein // Und könnt einst deine Frau Pfarrerin seyn*” [Kortum: 61]. Перевод: «Соседа дочка Лисавет // Тебе сердечный шлет привет. // Девица прямо ой-ой-ой: // Хорошей будет попадней». Ср. также “*heilige Elisabeth*” — святая Елизавета Венгерская, которую любили изображать дюссельдорфские художники и с которой Жуковский и его друг А. И. Тургенев сравнивали девушку.

образом изменив печальное настроение оригинала³⁶, но и превращая в «надпись» (или девиз) к своей жизни, причем жизни *будущей*: надежда на брак.

Только текст, созданный, по признанию поэта, вечером 14 июля, судя по всему, был *не тем*, что приводится в декабрьском письме к Елагиной.

Автограф

В июле 2010 г., благодаря счастливому стечению обстоятельств, мне удалось найти автограф этого стихотворения, включающий его обратный перевод на немецкий, в коллекции Фонда Мартина Бодмера в Колони (Женева):

О, когда бы мой Создатель
Дал в близи твоей небесной,
Пред твоим небесным взором
И гореть и умереть мне,
Как горит в немом блаженстве,
Тихо, ясно умирая,
Огнь волшебных лампады
Пред небесною Мадонной.

Liebe mein Schöpfer
Mich in deinen himmlischen Naehen,
Vor deinem himmlischen Blick
Brennen und vergehen,
Wie brennt in stummer Wonne,
Still und hell bergehend,
Das Licht der frommen Lampe
Vor den himmlischen Madonne.

1840. 26. July

³⁶ «Я не был в волнении, — описывает поэт свое состояние той ночью. — Удивительная ясность, самая сладкая тишина, похожая на полное внезапное выздоровление, от которого вдруг и жизнь становится милою и все окружающее прекрасным, влилась в мою душу, обхватила ее всю и с той минуты до теперешней ее не покидала. Половину этой ночи я не спал, а на другое утро *проснулся, как новый человек*» [Жуковский 1869: VI, 770].

О Корабли мои создаются
 Далеко вдали твоем небесах,
 Пред тобою небесный восток
 И возглас и умернет миг,
 Как возглас в иномы странах,
 Мило, ясно у сердца,
 Олив сажаешь лангедок
 Перед небесом Мадонн.

Liebe mein Schöpfen
 Mir in deiner himmlischen Wälder,
 Vor dem himmlischen Blick
 Brennen und vergehen
 Wie brennt in stummer Wärme,
 Still und hell vergehen,
 Das Licht der frommen Lunge
 Vor den himmlischen Madonna.

1840. 26 July.

Судя по описи, автограф попал в фонд Бодмера из знаменитой коллекции Стефана Цвейга. В каталоге Цвейга стихотворение Жуковского ошибочно названо переводом стихотворения Тео-

дора Кернера “Die letzte Gedanke”³⁷ (такого произведения, насколько мне известно, у последнего нет; возможно, Цвейг имел в виду “Stille Liebe” [1834] Юстинуса Кернера, друга Жуковского, — стихотворение, известное по музыке Роберта Шумана [1840]³⁸). Цвейг приобрел этот автограф в 1923 г. у известного парижского библиофила Шаравэ (Charavay). О том, как он попал в магазин последнего, у нас нет сведений, но версия есть. Согласно дневниковой записи Жуковского от 26 июля 1840 г. (по новому стилю), в этот воскресный день поэт встретился с Иосифом Радовицем и говорил с ним о своей любви:

Вечер прелестный с Радовицем. *Разговор обо мне. Автограф.* Чтение о праве и любви <...> Какое богатство мыслей, но мыслей (не родившихся в голове вооруженных, как Минерва) обдуманных, логически выдержанных и знанием поддержанных. Это лучше остроты, красноречивости и тонкости [Жуковский 1999–: XIV, 214].

Радовиц был «страстным охотником до автографов», создателем одной из богатейших коллекций. Известно, что Жуковский в то время содействовал своему другу в приобретении целого ряда автографов русских исторических лиц³⁹. Так, за несколько дней до этой встречи он передал ему полученные от графини Эделинг автографы императора Александра и императрицы Елизаветы. Логично предположить, что 26 июля Жу-

³⁷ “Schoukowskij Wassilij Andrejewitsch (1783–1852). Übersetzung von Der Letzte Gedanke von Theodor Körner. Eigenhändiges Manuskript”. См.: [Zweig, Matuschek: 324]. Любопытно, что в недавнем биографическом романе о Жуковском Б. Носика именно Юстинус Кернер (почему-то названный Юстином Керном) читает Елизавете Жуковской по памяти «лучшее стихотворение ее мужа» «О, молю тебя, Создатель» [Носик: 279].

³⁸ Ошибочная атрибуция была исправлена 10 лет назад при подготовке каталога бодмеровской коллекции (справка Жан-Филиппа Жаккара).

³⁹ См. письмо к Плетневу от 17 (29) июля 1840 г. К письму прилагался список, включавший имена русских императоров, политических деятелей, военачальников, а также писателей: Карамзин, Пушкин, Дмитриев, Вяземский, Батюшков, Крылов и т.д.

ковский подарил своему другу недавно написанные стихи с переводом (благо предлог был самый подходящий: разговор о любви поэта к дочери их общего друга). В 1864 г., уже после смерти Радовица, его коллекция была выставлена на аукционе в Лейпциге. Хотя в опубликованной тогда описи нет этого автографа Жуковского (есть другие автографы поэта) [Radowitz 1864: 584, 662]⁴⁰, думаю, что он «родом» именно оттуда, и его дата отражает время записи, а не написания произведения.

Отличия этого текста от приведенного в декабрьском письме к Елагиной существенны. Он ближе к оригиналу (хотя «Судьба» уже заменена на «Создателя»⁴¹). Здесь еще нет прямого молитвенного обращения к Творцу, зато есть обращение к возлюбленной (*ты, тебя*), характерное для объяснения в любви. Вообще отличительной чертой этой версии является ее грамматически и идеологически «сослагательный» характер. Она несомненно ближе к моменту создания стихотворения (14 июля, если верить письму к Елагиной) и отражает ситуацию, предшествовавшую помолвке поэта (2 августа): робкая надежда и неопределенность будущего. В свою очередь, немецкий автоперевод не только выполняет вспомогательную функцию для адресата, но и подчеркивает дистанцию между стихотворением Жуковского и оригиналом.

В. Н. Топоров убедительно показал, что это маленькое стихотворение представляет собой своеобразный лексико-семантический центон из излюбленных словесных тем поэта, обнаруживаемых в десятках примеров из его поэзии, прозы и эпистолярия: тишина, угасание, свет лампы, небесный взор и т.п. [Топоров: 74–77]. Между тем особый интерес вызывает не столько «ювелирная» обработка этих словесных тем в новом тексте, сколько их новое качество, отражающее особый момент в жиз-

⁴⁰ Коллекция была куплена Королевской Библиотекой в Берлине.

⁴¹ Ср. о принципиальном различии для Жуковского этих терминов по отношению к своей любовной истории: «Судьба, т.е. не судьба, а Провидение Божие, которое обо мне без моего ведома (а в это время, как будто и вопреки мне), милосердно заботилось» (письмо к родным [Жуковский 1869: VI, 757]).

ни (и жизнетворчестве) поэта. Так, мне кажется, строки «тихо, ясно умирая» в «женевской» редакции — не простой повтор любимых словесных мотивов, но принципиальная отсылка к печальному монологу бессемейного Камознса, выражавшему собственные страхи Жуковского конца 1830-х гг.:

Счастлив стократно
 Простой поселянин! Трудом прилежным
 Довольный, скромный, замыслов высоких
 Не ведая, своей тропинкой он
 Идет; когда же смертный час его
 Наступит, он, в кругу своих, близ доброй
 Жены, участницы всего, что было
 И горького и радостного в жизни,
 Среди детей, воспитанных с любовью,
Смиренно, тихо, ясно умирает;
 И всеми он любим, и, с ним прощаясь,
 Все плачут, и глаза ему родная
 Рука при смерти зажимает. Я же?

[Жуковский 1902: V, 108]⁴²

(Выделенные курсивом слова в оригинале Ф. Гальма отсутствуют).

Эпитет «смиренная» по отношению к угасающей жизни также отсылает нас к любимым рассуждениям Жуковского того времени: Элизабет вспоминала, что на нее произвели особое впечатление «чудесные» мысли поэта о смирении, высказанные в разговоре с дюссельдорфским религиозным живописцем Ф.-В. Шадовым⁴³. В свою очередь, слова о «немом блаженстве» (со времен Тогенбурга влюбленные у Жуковского именно это блаженство и испытывают) приобретают в контексте размышлений поэта конца 1830-х – начала 1840-х гг. терминологическое значение *чувства душевного единения супругов*. Вообще слово «блаженный» является своеобразным

⁴² Заметим, что Жуковский переписывает набело текст «Камознса» сразу после расставания с семейством Рейтернов в июле 1839 г.

⁴³ Ср.: «...он так чудесно говорит о смирении, что мое сердце исполнилось невыразимой радости» (цит. по: [Веселовский: 335]).

рефреном в дневниках поэта за первый после помолвки месяц: «блаженный разговор с моим ангелом», «блаженный вечер», «блаженный, блаженный вечер», «утро блаженное с моим ангелом», «блаженные четверть часа на крыльце», «блаженный день», «блаженный час в Klotz Winkel» (так, в честь героя придуманной им шуточной истории, он назвал журнал для совместных с невестой записей). «Месяц прошел для меня в *блаженно-ясном* спокойствии души, — резюмировал он в письме к родным, — <...> еще ничто не было для меня решено, но какой-то ободрительный голос мне слышался и удивительным наслаждением для меня сидеть одному в своей горнице, думать о ней и даже не думать, а только, как сквозь сон, *чувствовать, что она подле меня* и что это так на все мое будущее» [Жуковский 1869: VI, 772]. Поэтическую модель темы *немого блаженства суженых* мы находим в описании свадьбы героев из второй главы «индийской» поэмы Жуковского «Наль и Дамаянти» (эта глава была написана еще весной 1837 г. и впоследствии получила для поэта пророческое значение):

... Совершился великий
 Выбор; со всех сторон раздалися торжественно клики;
 Все цари и царевичи, мужи святые и боги,
 Выбор одобрив, воскликнули: С л а в а! счастливому Налю.
 Он же, *полный блаженства любви*, своей нареченной,
 Робко краснеющей, очи склонившей, дрожащей невесте
 Так сказал с трепетанием сердца, но голосом твердым:
 «Если могла при бессмертных богах ты смертного мужа
 Так почтить, Дамаянти, то слушай: тебя я
 Сам пред людьми и богами своею женой именую,
 Весь на целую жизнь отдаюся тебе, и доколе
 Будет дух жизни в теле моем, дотолле, о дева,
 Роза Видарбы, я буду твоим; мое обещанье
 С верой прими, на меня положишься; отныне тебя я
 Буду питать, защищать и чтить, и хранить, и останусь
 Верен тебе всегда, во всем, и словом и делом,
 Радость и горе, богатство, и бедность, и все неизменно
 В жизни с тобой разделяя». Обет такой произнесши,
 Светлый жених перед всеми своей лучезарной невесте
 Дал целомудренно первый любви поцелуй; и друг другом

Долго в блаженстве немом любовались они; напоследок,
Вспомнив, что боги близко, и царь и царевна пред ними
Пали с молитвой; и боги скрепили своей благодатью
Брак их... [Жуковский 1902: V, 120]

Подчеркнем, что выделенные нами слова представляют собой интерполяцию Жуковского [Зейдлиц: 192].

Знаменательно, что такую же мистико-романтическую терминологию (внутренний голос, смирение, небеса, жертва, немое блаженство) мы находим в дошедших до нас воспоминаниях Элизабет, написанных по-французски:

Его присутствие было для меня все, все мне давало; я ощущала неизъяснимую радость, источника которой не понимала, а между тем мечта, которую я давно открыла в глубине моего сердца, с каждым днем становилась существеннее. Присутствие Жуковского было счастьем, видеть его блаженство... [Веселовский: 335]

Одно чувство наполняло меня теперь, — это то, что дума моя принадлежит ему навеки, хотя бы то навсегда осталось ему неизвестным. Во мне поселилось убеждение, что мне суждено или жить с ним, или умереть. ... С тех пор я стала жить надеждою на соединение души моей с его душою в вечности. Часто, глядя на небо, говорила я самой себе: моя душа живет уже с ним там! [Жуковский в воспоминаниях: 325–326]

Если русский текст стихотворения был объяснением поэта в любви, то под его немецким автопереводом “*Liebe mein Schöpfer...*” вполне могла бы подписаться его благочестивая возлюбленная. Стихотворение Жуковского давало язык и ее чувству⁴⁴.

---

⁴⁴ О том, как резонирует эта «тайная» поэзия в сознании посвященных, свидетельствует ответное письмо А. П. Елагиной Жуковскому от 12 декабря 1840 г., «усваивающее» стихотворение поэта. «[М]ое сердце полно одним, — пишет Елагина о своем ожидании того момента, когда наконец увидит Жуковского. — И так же горит благодарностью к Создателю, как ваша лампада перед вашей мадонной» [Переписка Жуковского: 473–474].

Liebe und Tod

«Елагинскую» (окончательную) редакцию я бы датировал августом–осенью 1840 г., временем постоянно усиливающегося религиозного воодушевления Жуковского. Это уже не мадригальное признание в любви, но поэтическая молитва, обращенная к Создателю: просьба сохранить ему жизнь для любви к ней, озарить ее сиянием остаток его дней. В дневниковых записях и письмах второй половины лета и начала осени 1840 г. Жуковский постоянно обращается к Богу с просьбой о продлении ему жизни (даже растрогал этим рефреном Веру Вяземскую и Плетнева)⁴⁵. Характерный пример из сентябрьского письма к императрице: «Я прошу лишь одного у Господа: сохранить мне жизнь, которой по Его благодати я придаю теперь такую высокую цену» [Жуковский 1902: X, 77].

Как и в первой половине 1810-х гг. (время надежд на брак с Марией Протасовой), в центре религиозного сознания Жуковского оказывается молитва Господня:

26 июня 1840 года — «Переводил Отче наш» (для урока с принцессой Марией);

6 июля: «душа полна, и Отче наш на языке и в сердце»;

23 августа: «Даруй Боже жизни; впрочем: да будет воля Твоя»;

29 августа: «Какое счастье знать, что она ангел тихого семейного счастья, тихого для света, моего собственного, ни с кем не делимого; таким оно и останется. Благослови, Всевышний. Но да будет Твоя воля»;

август–сентябрь: «в эту минуту чувствую себя столь вполне счастливым, что это не может продолжиться и должно измениться. Но зачем останавливаться на таких мыслях. Мы не даром говорим: Да будет воля Твоя! на земли нет по настоящему ни счастья, ни несчастья; есть только воля Божия в разных видах».

---

⁴⁵ На чувствительного Плетнева особое впечатление произвели строки из письма поэта к Вяземской, в которых он говорил «о новом рае своей души: жизни, жизни!» (цит. по: [Веселовский: 337]).

Своей кульминации тема Господней молитвы в применении к личной ситуации достигает в письме к А. П. Зонтаг от 9 сентября 1840 г.:

... часто из этого ясного мирного света, который меня теперь окружает, выглядывает строгое лицо смерти и невольно грусть обвивается вокруг сердца. *Liebe ist stark wie Tod* [sic!]... написал мне друг на евангелии перед моим отъездом в Дюссельдорф. Как эти слова *Liebe* и *Tod* близки одно к другому. На земле нет счастья без любви, но его нет также и без смерти. Одной душа говорит: *не покидай меня!* Другой душа говорит: *не уноси меня!* Одна дает счастью его прелесть, другая дает ему его достоинство. Но мысль, что всему на земле должен быть конец, приводит в трепет. Есть однако против всех этих тревог лекарство и самое простое. Оно заключается в молитве Господней. Кто может читать «Отче Наш» так, как оно дано нам свыше, тому на земле ничто не страшно и все доброе верно⁴⁶.

Эти «не уноси» и «не покидай» можно назвать глубинным эмоциональным подтекстом перевода из Ленау и религиозных переживаний поэта в целом. Так, друг Жуковского, веймарский канцлер Фр. фон Мюллер передает в дневниковой записи от 29 октября 1840 г. следующие слова Жуковского: «...перейдя к тому, что в качестве жениха ему умереть не хочется, [он] сказал: “Любовь и смерть — две великие силы жизни [*Die Liebe und der Tod sind die beiden großen Mächte des Lebens*]. Без любви нет жизни, без смерти нет стремления ввысь на небеса”» [Жуковский 1999–: XIV, 517; Gerhardt: 305].

О том, как значим был этот период поисков христианского оправдания любви для Жуковского, свидетельствует тот факт, что слова из «Песни Песней», записанные на его Евангелии, поэт приведет (также по-немецки) в прощальном письме к жене, написанном (или продиктованном) по-французски (апрель 1852 г.):

---

⁴⁶ Ср. с более поздней интерпретацией этой молитвы как «полного самоотвержения» в письме Жуковского к Гоголю о молитве 1847 г. [Жуковский 1902: X, 79–80].

Я с тобою наслаждался жизнью в полном смысле этого слова, я лучше понял ее цену и становился все тверже в стремлении к ее цели, которая состоит не в чем ином как в том, чтобы научиться повиноваться воле Господней. Этим я обязан тебе; прими же мою благодарность и вместе с тем уверение, что я любил тебя, как лучшее сокровище души моей. *Ты будешь плакать, что лишилась меня, но не приходи в отчаяние: любовь так же сильна, как и смерть* [die Liebe ist stark als der Tod]. *Нет разлуки в царстве Божием. Я верю, что буду связан с тобою теснее, чем до смерти. В этой уверенности, дабы не смутить мира моей души, не тревожся, сохраняй мир в душе своей и ея радости и горе будут принадлежать мне более, чем в земной жизни* (цит. по: [Зейдлиц: 239])⁴⁷.

Я думаю, что не ошибусь, если предположу, что другом, записавшим на его Евангелии в виде своеобразного напутствия слова о крепости любви и смерти, был не кто иной, как Иосиф Радовиц, выбранный поэтом в «руководцы и судьи моей жизни» (как когда-то мистик И. В. Лопухин⁴⁸) и ставший одним из первых (если не первым) читателем стихотворения Жуковского.

Муж и жена

Из дневниковых записей поэта второй половины лета и начала осени 1840 г. хорошо видно, что Жуковский постоянно ищет христианских обоснований своей любви и предстоящего брака. Частые разговоры с Радовицем не только укрепили его в решении жениться, но и стали важным (хотя и не единственным) стимулом его религиозных поисков. Уже 18 июля, т.е. вскоре после вечернего объяснения с отцом Элизабет, Жуковский обращается к Радовицу за советом («Обедал у Радовица. Важный разговор»). «Если слова отца о дочери могли вдруг решить меня, — впоследствии писал он родным, — то слова Радовица прибавили к этой решимости и радостную бодрость

⁴⁷ Оригинал «письма к Елизавете Алексеевне Жуковской» хранится в ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 101. Л. 1. (Копия рукою К. Зейдлица).

⁴⁸ О роли Лопухина в религиозных поисках и поэзии Жуковского середины 1810-х гг. см.: [Зорин: 282–284].

на счет самого себя, ибо мне все еще казалось, что я в мои лета не мог иметь права на искание любви 19-ти летней девушки и что такая любовь есть несбыточное дело. Но Радовиц, которому характер моей Елизаветы давно коротко знаком, который и меня также коротко знает, усмирил мои сомнения, сказав, что при всей их основательности вообще они в этом особенном случае неуместны и что он ручается мне за счастье, если только она подаст мне руку произвольно от сердца, без всякаго влияния со стороны» [Жуковский 1869: VI, 770].

16 (28) июня он снова беседует со своим другом, и в этой беседе пересекаются философские и лирические темы: «Рассказ о том, что я сделал. <...> после обеда чтение из его отрывков о протестантизме; после к Каницу, о супружестве. Метафизическое понятие о Всеведении. Gott ist gleichzeitig. О времени и пространстве. Все сильно, сжато и ясно» [Жуковский 1999–: XIV, 211–212]. Речь идет о конкретных философских фрагментах Радовица 1830-х гг., которые легко идентифицировать по пятому тому его сочинений (что, к сожалению, не было сделано комментаторами новейшего издания сочинений Жуковского)⁴⁹. Наиболее интересным здесь представляется фрагмент “Die Ehe” (Супружество), который для Жуковского был, конечно, особенно актуален. Судя по всему, поэта привлекли рассуждения Радовица о мистической онтологии супружества. Несколько позднее, уже после помолвки, Жуковский заносит в дневник запись о своей беседе с невестой об андрогинной природе первого человека и вытекающей отсюда мистической сущности брака:

Чудесный разговор утром. Это правда: муж и жена были одно при создании мира: *любовь есть встреча двух душ, назначенных составлять одну*. Их совершенное соединение в одно без утраты самобытности есть встреча их в здешней жизни. То же любовь, но уже без разлуки. Здешнее соединено с стремлением, тоскою,

---

⁴⁹ “Recht und Liebe”; “Die Ehe”; “Ueber Canitz Betrachtungen eines Laien über Strauß Leben Jesu”, “Allwissenheit”, “Die Offenbarung”, “Zeit” [Radowitz 1853].

та совершенно тиха, и есть беспрестанное чувство удовлетворения [Жуковский 1999–: XIV, 218].

Конечно, эти рассуждения восходят к хорошо известным Жуковскому текстам Писания, но непосредственно, в их сентиментально-мистической редакции, — к рассуждениям Радовица из названной выше статьи, в которой обсуждается гипотеза о двойственной природе первого человека, объясняющая супружескую любовь как путь к восстановлению высшего единства [Radowitz 1853: 56], а также рассуждения о “die leibliche Seite der Ehe” (физической стороне брака) и сопутствующей ей общности земных переживаний супругов (“die Gemeinschaft der Interessen der Gewohnheiten der Freuden und Leiden”)⁵⁰. Возможно, что к этому же времени относится и замысел Жуковского перевести книгу немецкого теолога Юлиуса Мартина о грехопадении, искуплении и загробной жизни⁵¹, в которой поэт уже на первых страницах привлекают рассуждения о происхождении первой супружеской пары: «Бог в начале создал одного человека — мужа и жену» и т.д. [ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 59. Л. 6]⁵².

⁵⁰ “Die leibliche Seite der Ehe tritt bei richtigem Verständniß des Obigen sofort in ihr wahres Licht. Es sind nicht mehr zwei getrennte Körper, sondern beide Eheleute bilden einen gemeinschaftlichen Leib” [Radowitz 1853: 56]. По всей видимости, Жуковский был знаком и с маленьким отрывком Радовица об обете супружества (“Die Gelübde der Ehe”).

⁵¹ *Martin J.* Erinnerung an die Lehren von der Sünde, von der Erlösung und von dem Schicksal des Menschen nach dem Tode. Marburg, 1840. В экземпляр книги вклеены белые листы для перевода — обычная для Жуковского практика. Зейдлиц справедливо заметил, что тема греховности человека занимала важное место в пие-тистском мирозерцании семьи Рейтернов [Зейдлиц: 181]. Роль указанного сочинения в религиозных поисках Жуковского еще предстоит выяснить.

⁵² О популярности мифа об андрогине в романтическую эпоху см. содержательную статью: *Busst A. J. L.* The Image of the Androgyne in the Nineteenth Century // *Romantic Mythologies* / Ed. I. Fletcher. London, 1967. P. 1–95.

Наконец, важным источником (или, по крайней мере, катализатором) размышлений Жуковского этого времени о христианской любви стали поучения духовника принцессы Марии пастора Карла Циммермана, известного деятеля немецкого евангелического возрождения 1830-х гг.

27 августа (то есть на следующий день после встречи с Радовицем, когда, как я полагаю, и был записан ныне находящийся в Женеве автограф стихотворения) Жуковский заносит в дневник:

У меня после обеда пастор Циммерман. — Надобно любить, чтобы получить способность жертвовать самым тем, что любишь, высшему. Это не есть жертва, а только *передача смиренная в вечную власть нашего милого*. Для любви нет одиночества. И самая утрата не производит его. *Бог так понятен любящему сердцу*. Где бы милое не было, оно всегда у него. Умей только забывать себя или лучше умей смиряться. *Не отказывайся от любимого, но освящай любовь свою высшею, главною* [Жуковский 1999—: XIV, 214].

Эти слова могут служить своеобразным лирико-теологическим комментарием к стихотворению в его окончательной редакции: идея жертвенной смиренной христианской любви, которая есть, по словам поэта из письма к родным, не что иное, как «полная спокойная вера сердца, которому вдруг, как будто каким откровением, все в ней стало знакомо». Такая вера «не на убеждении, не на опыте основана: она есть внутренний голос, есть необманчивое предчувствие, есть *second vue* будущего» [Жуковский 1869: VI, 778]. Заметим, что в это же время немецкие друзья поэта обращают его внимание на мистические проповеди Иоганна Таулера, в центре которых мысль о восхождении души через любовь, проходящую несколько стадий — через самоотвержение — по пути к Творцу.

Разумеется, все эти теологические и мистические идеи пали на давно подготовленную почву, и мы легко можем найти похожие рассуждения и образы в лирике поэта, его переписке и дневниках разных периодов: представление о семейной жизни как союзе во имя высокой нравственной цели; говорящее «молчание» рыцаря Тогенбурга; тихая вера в Промысл, не-

зримо определяющий поэту суженую; проповедь «святыни смиренной любви» и представление о последней как бескорыстной жертве [Лямина, Самовер: 106–108]. Но разница тем не менее существенная: в 1840-е гг. стареющий Жуковский стремится к созданию положительной христианской философии любви и брака, определяющей отныне его чувствования, поступки и творчество. Поэт-моралист уступает место поэту-теологу (здесь, как я полагаю, также сказалось влияние Радовица: христианско-романтические фрагменты последнего — прототип позднейших религиозных статей и отрывков поэта второй половины 1840-х гг.). Место мистического брака, грезившегося Жуковскому во второй половине 1810-х гг. [Зорин: 283–284]⁵³, занимает земной брак, понятый в религиозно-мистическом смысле. Такое представление о супружеской любви ведет к оправданию и освящению частной, земной, жизни, удаленной от светской суеты и открывающей путь к более глубокому познанию самого себя через другого⁵⁴.

Соответствующим образом, «блаженство» теперь не отнесено в мечту или загробное будущее, а воплощено — с неизменной примесью грусти, дающей этому блаженству достоинство, — в «здешних» отношениях супругов. Отсюда естественно проистекает мистико-религиозная идеализация семейного быта в поздних произведениях поэта. Сравните в «Одиссее»:

⁵³ См. также главу о балладе «Вадим» в моей книге [Виницкий 2006: 73–98].

⁵⁴ Своими высокими представлениями о браке и семейном счастье Жуковский делится с невестой в «дружеском откровенном разговоре» 14 (26) сентября 1840 г. Земное счастье может быть только общим, основанным «на любви, на доверенности, на взаимном согласии мыслей», «помощи друг другу и лучшему», ибо жизнь «состоит в непрестанном пробуждении лучшего и уничтожении худого» [Жуковский 1999–: XIV, 222]. Через несколько дней он говорит с Элизабет о необходимости отказа от желаний и безусловной преданности Богу, в котором заключена «положительная доброта» («человек может быть только отрицательно добр») [Там же: 225].

О, да исполнят бессмертные боги твои все желанья,
 Давши супруга по сердцу тебе с избытком в доме,
 С миром в семье! Несказанное там водворяется счастье,
 Где однодушно живут, сохраняя домашний порядок,
 Муж и жена, благомысленным людям на радость, недобрым
 Людям на зависть и горе, себе на великую славу
 [Жуковский 1999–: VI, 104]⁵⁵.

Кода

Романтические поэты от Новалиса до Россетти обычно оплакивают своих возлюбленных: последние тихо угасают, и память о них становится источником меланхолического (а иногда пламенного) воображения романтиков. 57-летний Жуковский чувствовал, что уйдет раньше своей молодой жены, и это чувство наложило своеобразный «финитивный» отпечаток на его христианскую теологию любви⁵⁶, нашедшую свое «тихое и ясное» выражение в религиозном стихотворении, вызванном чувством к Элизабет Рейтерн, встроенном в «тайный» канон его (жизне)творчества и известном самому сокровенному кругу его друзей. В этом контексте нам хотелось бы вернуться к

⁵⁵ Не случайно эти слова из своего перевода «Одиссеи» Жуковской процитировал в письме к Кате Мойер в виде свадебного напутствия 11 (23) января 1845 г. А жена его прибавила стих из 1-й Книги Царств: “Sie gingen hin zu ihren Hütten fröhlich und gutes Muthes über alle dem Guten, das der Herr an Seinem Volke gethan hatte” («<...> и пошли в шатры свои, радуясь и веселясь в сердце о всем добром, что сделал Господь <...> народу Своему»). См.: [Зейдлиц: 214]. Здесь примечательно идеологическое соседство текстов «Одиссеи» и Библии, характерное для мировоззрения Жуковского 40-х гг.

⁵⁶ Справедливости ради надо сказать, что в раннем творчестве поэта уже присутствовала модель такой любви-прощания («К Нине»), но не она была определяющей для его лирического мифа. Актуализации этой модели в сознании поэта способствовала его жизненная ситуация 1840 – начала 1850-х гг. Показательно в этой связи, как преломляются мотивы стихотворения «К Нине» в приведенном ранее прощальном письме поэта к жене: посмертное присутствие ушедшего в жизни любимой женщины.

сообщению А. В. Соллогуба о том, что именно Жуковский попросил Виельгорского положить на музыку стихотворение «О молю тебя, Создатель». Хотя у нас нет документальных подтверждений этой версии, она представляется нам вполне правдоподобной. Знаменательно, что еще летом 1839 г. исполнение Элизабет вокальных произведений Мюхлера, Бетховена, Роде и Мендельсона вызывает у Жуковского «мысль о Виельгорском» [Жуковский 1999–: XIV, 178–179]⁵⁷. В конце 1830–1840-е гг. Виельгорский, человек глубоко религиозный, был одним из самых *духовно* близких поэту людей. В дневниках конца 1840 – начала 1841 г. Жуковский неоднократно упоминает свои встречи и разговоры с Виельгорским, музыкальные вечера в его доме; поэт присутствует на свадьбе его дочери и В. А. Соллогуба, по случаю которой был устроен концерт знаменитой итальянской певицы Пасты. В день женитьбы поэта 21 мая 1841 г. Виельгорский пишет ему письмо, в котором говорит, что молит Всевышнего о продлении ему жизни и даровании терпения: «верь совету друга: не предавайся, я не говорю, чувственным благам ложа — далека от тебя эта мелочность — а некой материальности, ленивой привычности, которая неприметно вкрадывается в жизни женатой и которая, как противоположность подчас необдуманной жизни холостой, иначе, но так же опасна душе» [ИРЛИ. 27958/СС 1 б. 31, л. 19]⁵⁸.

Автограф «молитвы» Виельгорского на слова Жуковского сохранился в отделе рукописей РНБ⁵⁹. Он представляет собой

⁵⁷ А. С. Янушкевич и О. Б. Лебедева относят это упоминание к сыну композитора и бывшему ученику Жуковского Иосифу, весть о безвременной кончине которого (2 июня нового стиля) могла уже дойти до поэта [Жуковский 1999–: XIV, 504]. Музыкальный контекст этого упоминания, как мы полагаем, не соотносится с этой версией.

⁵⁸ Это письмо Жуковский получил 2 (14) июня [Жуковский 1999–: XIV, 261].

⁵⁹ На верхней части листа рукою Одоевского написано «Автограф Графа Михаила Юрьевича Виельгорского» и, в правом верхнем углу, «в Императорскую Публичную библиотеку — от Кн. Одо-

верхнюю часть нотного листа, включающую музыкальный текст (“Adagio. Sotto voci”) к первой строфе стихотворения.

На месте заглавия стоит слово “Basso”, то есть, возможно, перед нами не «отдельный» романс, как сказано в Отчете Императорской Публичной библиотеки, но *часть* более крупного хорального произведения. К сожалению, какого именно мы не знаем, но известно, что Виельгорский в 1840-е гг. создал несколько вокальных квартетов, кантат и духовных ансамблей, большая часть которых до сих пор остается неопубликованной⁶⁰. Очевидно, что стихотворение Жуковского было воспринято композитором, посвященным в семейную историю и духовные поиски поэта, как образец религиозной поэзии и потребовало адекватной формы музыкального выражения⁶¹. Духовная музыка Виельгорского исполнялась крайне редко и почти исключительно «в маленьком обществе» (В. Ф. Одоевский) его домашнего салона [Щербакова: 48], к которому, по праву рождения, и принадлежал первый публикатор стихотворения граф Александр Владимирович Соллогуб⁶².

евского. 1859». На оборотной стороне листа — начало канона самого Одоевского на стихи В. С. Филимонова «Знавали ль ли вы Москву былую», напечатанные в 1845 г. Автограф Виельгорского, таким образом, следует датировать второй половиной 40-х гг., что, конечно же, не исключает возможность более раннего времени создания «молитвы».

⁶⁰ «Значительные по объему камерные и симфонические сочинения» Виельгорского, хранившиеся в рукописях у его наследников, перешли в Румянцевский музей, а затем в отдел рукописей РГБ. См. подробнее: [Трофимова: 75–76; Щербакова: 110]. К сожалению, нам не удалось найти в ОР РГБ сочинения, частью которого является «О молю тебя, Создатель».

⁶¹ Выражаю искреннюю признательность Геннадию Меерзону за музыкальную реконструкцию этого произведения и Николасу Мастерсу (Академия вокального искусства, Филадельфия) за его виртуозное исполнение (запись см.: www.ruthenia.ru/audio/omolyu.mp3).

⁶² «Молитва» Виельгорского не была единственным произведением композитора на слова Жуковского. Известно его музыкальное сочинение для голоса, хора и оркестра «Младой Рогер» (1822) на

Эпилог

В ноябре 1840 г. Жуковский приезжает в Россию, вначале в Петербург, а потом, в январе 1841 г., в Москву. По случаю бракосочетания наследника он удостоивается, «подобно олимпийцу Гёте», титула тайного советника [Огарков: 52]. Петербургские и московские друзья, уже подготовленные к его встрече письмом о браке с девицею Рейтерн, поздравляют поэта и просят еще раз рассказать историю его чудесной любви. Петербуржцы, во главе с бывшим арзамасцем Д. Н. Блудовым, под новый год устраивают в честь поэта живые картины на стихи Ивана Мятлева, написанные «по мотивам» лирических баллад и стихотворений Жуковского⁶³:

Ну, Светлана, *кес ке се?*
 Не печалься, *сет асе.*
 Твой испуг, мученье —
 Только сновиденье.
 Это просто *де бетиз!*
 Пой, красавица, резвись!

стихи лирико-патриотической баллады Жуковского «Верность до гроба» (1818) [Трофимова: 73; Щербакова: 110]. Виельгорский был автором шуточного поздравления в день рождения Жуковского, относящегося к 1843 г. [Трофимова: 77], а также «Песни на торжество совершеннолетия наследника престола (на стихи Жуковского «На древней высоте Кремля», 1858) [Щербакова: 110]. Заметим, что в своей заметке «По поводу столетия со дня рождения В. А. Жуковского» внук композитора А. Соллогуб целиком приводит это «очень мало известное стихотворение» (Театральный и музыкальный вестник. 1883. № 6. С. 4).

⁶³ Цикл коротких поздравительных стихов Мятлева, включающий в себя две части и датированный 30 декабря 1840 г., хранится в ОР РНБ (Ф. 52, «Батюшковы», № 244, лл. 118–119). В первую часть входят: «Ундина» («Постой, прекрасное виденье...»), «Цветы» («Твоя волшебная рука...»), «Вадим», «Алина и Альсим» («Зачем, зачем вы замолчали»), во вторую — «Рыцарь Тогенбург» («Так не раз душа поэта...»), «Ночь» («Ночь у нас здесь над Невою») и «Светлана». Небольшая часть этих миниатюр опубликована в «Стихотворениях» Мятлева 1969 г.

В честь поэта с нами:
Он дарит мечтами.
Пожелаем *дю реель*
Мы ему *авек са бель*
Пожелаем многи лета
Дружнаго дуэта («Светлана») [Мятлев: 102].

И ты поэт, и для тебя виденье
И у тебя от сердца отлегло,
Тебе его Святое Провиденье
Наградой дивной сберегло. —
За жизнь твою, за сладостные звуки,
Которым свет рукоплескал,
Вадима сон тебе дается в руки
Ты совершенство отыскал.

(«Вадим») [ОР РГБ. Ф. 52. № 244. Л. 118 об.]

В свою очередь, московские поэты подносят Жуковскому целый том поздравительных стихов⁶⁴. Федор Глинка призывает

---

⁶⁴ «Все московские поэты, — вспоминал М. А. Дмитриев, — вострепнулись от радости, как будто с возвращением его в Москву возвратилось прежнее время светлого вдохновения. <...> Некоторые из них вздумали почтить возвращение в Москву старейшего любимого поэта стихами. Все эти стихи <...> были выражением полного чувства любви и уважения и к поэту, и к человеку. Все эти стихи были собраны в один альбом, который я сам отвез к Жуковскому. Надобно было видеть его чувство при взгляде на содержание этого альбома! На другой же день он поехал с благодарностью к Авдотье Павловне Глинке: она первая была свидетельницей, как подействовал на него этот скромный памятник любви и уважения. Этот альбом и после его кончины сохранялся у супруги Жуковского» [Жуковский в воспоминаниях: 26]. В примечании к воспоминаниям Дмитриева указывается, что «судьба этого альбома неизвестна» [Там же: 571]. Между тем, альбом «На память пребывания [Жуковского] в Москве в 1841 году и вечера, проведенном с ним 23 февраля», хранится в фонде Жуковского в ОР РНБ (Ф. 286. Оп. 2. Ед. хр. 231). В него входят стихотворения Ф. Н. Глинки, Дмитриева, А. С. Хомякова, Н. М. Шатрова, А. П. Глинки (к ней Жуковский, по свидетельству Дмитрие-

нагрывшего жениха привезти свою «рейнскую деву» в Москву, где ее будет ждать теплый прием:

«...Увидишь, какова Москва.
Москва — святой Руси и сердце и глава! —
И не покинешь ты ее из доброй воли;
Там и в мороз тебя пригреют, угостят;
И ты полюбишь наш старинный русский град,
Откушав русской хлеба-соли!..»
[Ф. 286. Оп. 2. Ед. хр. 231 Л. 22]⁶⁵.

К поэтическому возрождению во славу России призывает Жуковского М. А. Дмитриев:

Там, на Рейне, благодатный
Ангел — дева есть одна:
Цвет любви ароматный
В твой венок сплетет она!
И где он к тебе приветный
Пышен тек между холмов

ва, и заезжал с благодарностью), а также 11-летнего внука Ивана Ивановича Дмитриева Феде.

⁶⁵ Е. А. Жуковская приехала с детьми после смерти мужа в Москву, где и умерла 27 ноября 1856 г. от простуды, одинокая и никому не нужная. По воспоминаниям П. И. Бартенева, нанятого ею в учителя к детям поэта, семейство Жуковского находилось под покровительством Елагиной, но между последней «и молодою вдовою полного согласия не было, так как сия последняя говорить по-русски не умела и к Русскому быту совсем была непривычна. Между тем имя Жуковского было предметом разговоров» [Бартенев: 87]. Елизавете Жуковской посвящена апологетическая статья-воспоминание протоиерея Базарова (Исторический вестник. 1897. Т. LXX. С. 581–592). О московской жизни Е. А. Жуковской см. содержательный раздел в [Долгушин 2009: 161–167]; здесь приводятся выдержки из писем вдовы поэта, хранящихся в РГБ. Ф. 104, РГАЛИ. Ф. 236 и ИРЛИ. Ф. 265. В ОР РГБ хранится «Вступление к задуманным воспоминаниям» Жуковской (на русском языке), начинающееся словами «Душевные мои страдания, от которых я не умираю и не живу, протекающие от постылой жизни и обманутых надежд...» [Ф. 104. Оп. 2. № 22. Л. 1].

И лелеял дар заветный
 Для тебя, краса певцов!
 Ты, отдавший долг отчизне,
 Возвратися к струнам вновь:
 Возрожденный к новой жизни,
 Пой нам славу и любовь! [Ф. 286. Оп. 2. Ед. хр. 231 Л. 5–9]

Менее возвышенные и патриотичные петербуржцы не могут удержаться от дружеской шутки по поводу поэта: у Блудова в апреле ставят водевиль Скриба и Мельвиля “*Le bon para, ou La proposition de mariage*”, известный в России по переложению Дмитрия Ленского «Дедушка-жених»⁶⁶. Приглашен и Жуковский. «Камушки в мой огород, — замечает он в дневнике и продолжает, — *но не надобно пускать французский водевиль в мое святилище*» [Жуковский 1999–: XIV, 253]⁶⁷. В числе этих «камушков», например, были и такие слова пожилого героя водевиля:

DE VERBOIS. <...> A mesure que je la regarde, je ne trouve plus qu’il soit si ridicule de se marier; c’est à mon âge surtout qu’on a be-

⁶⁶ Сюжет водевиля: Адольф, боясь отказа, делает предложение Генриетте от имени своего деда, «рассчитывая, что тот впоследствии уступит ему невесту. Молодая девушка, которая ничего не знает о намерении жениха, возмущена его поступком и, желая отомстить Адольфу, соглашается на брак со стариком. В последнюю минуту все приходит к благополучному концу» [Гозенпуд: 599]. В финале водевиля в русском переводе Ленского поется: «Кто отжил век свой, тот не льстися, // Что молодость опять придет; // И хоть румянься, хоть бесися, // А старость все свое возьмет!»

⁶⁷ Вообще любовь старика к молодой — традиционный водевильный сюжет, с которым Жуковский, всегда боявшийся быть *ridicule*, вынужден был тогда считаться. Именно этим страхом, как мне кажется, объясняется его краткая дневниковая запись от 3 (15) ноября: «... театр. “*Le secret de mon oncle*”. История старого мужа» [Жуковский 1999–: XIV, 227]. Речь идет о водевиле Варена «Тайна моего дядюшки», в котором «негодяй дядя женится по секрету, не спросившись даже у племянника, на молодой девушке, умной и хорошенькой, но несколько кокетке» (Библиотека для чтения. Т. 21. СПб., 1837. С. 55).

soin d'une compagne, d'un guide, d'un appui: autant me laisser conduire par elle que par Babet, oui me grondait toujours! [Scribe: 501]

[Де Вербуа. <...> Чем больше я на нее смотрю, тем больше убеждаюсь, что в намерении жениться на ней ничего смешного, именно в моем возрасте человек нуждается в спутнице, в поводыре, в поддержке: лучше уж пусть мною командует она, чем Бабета, которая меня всегда бранит (пер. В. А. Мильчиной)].

Впрочем, судя по его дневнику, и сам Жуковский знал минуты сомнения. Так, через пару дней после представления обидного водевиля, он записывает свои впечатления от пения Джудитты Пасты в «Норме»:

Паста, бывшая царица сцены, была в иные минуты жалка, ибо хочет петь не по летам. Должно ли это применить ко мне? Нет. На все ответ неземная, чистая, верная, высокая душа моей Елизаветы. Лишь я умею понять мое положение и не требовать того, чего требовать нельзя. Но принимать с верою и любовью, с надеждою в обоих смыслах то, что мне дается так чисто и искренно [Жуковский 1999–: XIV, 254].

Я бы назвал внутреннюю стратегию поэта по отношению к ироническим намекам друзей и собственным сомнениям бегством от светской суеты (символизируемой водевилем) в «святителище души». Любовь к «ангелу Елизавете», «небесной Елизавете» предстает как его тайная, домашняя религия, а будущий дом как храм (вроде виллингсгаузенского дома Рейтернов-Шверцелей), доступ в который имеют лишь ближайшие лица, такие как Радовиц, Елагина и Виельгорский.

Женитьба поэта состоялась, как уже говорилось, 21 мая (2 июня) 1841 г. Биографы Жуковского обычно говорят о безмятежно-блаженном первом годе их совместной жизни, но недавно опубликованные дневники поэта показывают, что все было иначе, причем с самого начала. Состояние жены уже тогда было тяжелым: постоянные кровотечения, выкидыш, трясение рук, боли в груди, частая тоска, замирание сердца, мутные (gebroschene) глаза, неподвижные взгляды, головные боли, раздражение нерв, содрогание и страх, бешенство и истерика, со-

вершенный недостаток аппетита, худоба, тошнота, страхи. И так до конца его жизни (счастливых мгновений, судя по дневнику, было совсем не много, главные — рождение дочери и сына).

Свадебные пожелания в стихах и прозе редко бывают пророческими. Это можно сказать и о «поздравительных» перелицовках стихотворений Жуковского Мятлевым, и о патриотических эпиграмах москвичей, также обыгрывавших мотивы его творчества. Уж если какое произведение поэта и предсказывало в известной мере его судьбу, так это незамеченная панегиристами странная баллада «Доника» (1831), в которой прекрасная невеста («Лицо — как день, глаза — как ночь») накануне свадьбы вдруг преобразилась в бездушный призрак:

И мутными глядит кругом очами,
И к другу на руку легла,
И, слабая, неверными шагами
Обратно в замок с ним пошла.
И были с той поры ее ланиты
Не свежей розы красотой,
Но бледностью могильною покрыты;
Уста пугали синевой.
В ее глазах, столь сладостно сиявших,
Какой-то острый луч сверкал,
И с бледностью ланит, глубоко впавших,
Он что-то страшное сливал

[Жуковский 1999–: III, 173–174].

В связи с болезнью жены Жуковский постоянно откладывает свое возвращение в Россию (что осложняет его отношения с императором и наследником). В поисках избавления от «этого чудовища нервной болезни» он обращается к известным докторам и, как и его частый гость в 40-е гг. «гипохондрик» Гоголь, к сочинениям «душеведцев». Печальный опыт требовал от поэта корректировки религиозного истолкования супружеской жизни как «тихого вечера» в семейном святилище, закрытом от суеты мира. Эта корректировка происходит в контексте и прямой связи с евангелическим возрождением в пред-

революционной Германии, — религиозным движением, для которого вопрос о сохранении и роли христианской семьи в «материалистическую» эпоху был одним из наиболее существенных. Совершенно очевидно, что христианская теология любви и брака Жуковского была полемически направлена против либеральных теорий, получивших распространение в 1840-е гг.⁶⁸

О влиянии болезни жены на «рост пиетистских настроений» Жуковского писал еще К. Зейдлиц [Зейдлиц: 181]. Он же указал на роль страстных проповедей Фридриха Круммахера в религиозной жизни Жуковского и его семьи. Вопрос о религиозно-мистических источниках мировоззрения позднего Жуковского до сих пор остается открытым, но ясно, что в круг его чтения входили самые разные книги, не только неореформатские, пиетистские и мистические (Таулер, отчасти Рудольф Штир⁶⁹), но и католические, и, в меньшем числе, православные (Стурдза); важную роль, конечно, играли духовные беседы с Радовицем и Рейтерном.

В середине 40-х гг. поэт формулирует для себя обновленную доктрину христианского брака как школы терпения, тяжелого, но спасительного креста. В центре этой доктрины, разделяемой женой поэта, идеи самоотвержения, полного вверения се-

---

⁶⁸ Об интересе Жуковского к современной полемике о браке свидетельствуют его пометы в первом томе имевшейся в его библиотеке известной книге *Valerie Gasparin. Le mariage au point de vue chrétien*. Paris, 1843. См. [Лобанов: 361]

⁶⁹ В конце 40-х гг. Жуковский штудировал многотомный комментарий к Новому Завету Рудольфа Штира [Rudolf Ewald Stier] “Die Reden des Herrn Jesu”, в котором значительное место уделено христианскому истолкованию отношений между супругами. По поводу этой «пиетистской» книги Жуковский переписывался со своим духовным отцом Иоанном Базаровым. В. В. Лобанов указывает на многочисленные пометы Жуковского в первом томе этого сочинения [Лобанов: 298].

бя во власть Бога и строжайшей внутренней дисциплины⁷⁰. «В святилище семейной жизни, — пишет он в дневнике в ноябре 1842 г. (на следующий день после рождения дочери), — стоит сосуд причащения жизни вечной. Дети мои и жена его мне подадут, и да позволит мне Бог их жизнь устроить по воле его» [Жуковский 1999–: XIV, 269]. «Семейная жизнь, — напутствует он своих молодых родственников в связи с их бракосочетанием, — есть беспрестанное самоотвержение и в этом *самоотвержении* заключается ее тайная прелесть, если только знает душа ему цену и имеет силу предаться ему (и эта сила нужна гораздо более *в мелких* ежедневных обстоятельствах, нежели *в высших*, редких)» [Зейдлиц: 213; курсив Жуковского]. Наконец, в исповедальной записи середины 1840-х гг.:

Богу угодно было меня *разбудить разительным образом*: он даровал мне семейную жизнь. *Здесь спадают с нас все обманчивые покровы*. С ложною верою в самого себя я принял без страха дар Божий. Этот дар был зеркало правды: стою перед ним и вижу себя таким, каков я есть по природе моей и каким меня сделала моя жизнь. *Это знание есть наказание и за беспечность, с какою раньше жил, вся прежняя моя жизнь была почти без души моей, и за ту дерзость, с какою я принял из рук Божьих Его сей дар*, не сомневаясь, достоин ли я принять его и способен ли совершить обязанности, на меня с дарованием Его возложенные [Айзикова: 40].

Супружество, таким образом, оказывается не заслуженной пенсией старого романтика и не внутренней церковью, куда имеют доступ лишь посвященные, но пробуждением к ужасу настоящей жизни и сознанию собственной греховности. Разумеется, Жуковский, в соответствии со своей мистической теодицеей, интерпретирует это мучительное пробуждение тайным действием Провидения, но Создателя он уже молит не о том, чтобы жить и умереть в блаженной близости своего идеала, а о том, чтобы выдержать⁷¹.

⁷⁰ О семейной жизни «как средстве самопознания поэта» см.: [Долгушин 2008: 413–414].

⁷¹ Е. А. Рейтерн была похоронена рядом со своим мужем в Александро-Невской Лавре в Петербурге. Приведем описание ее над-

ЛИТЕРАТУРА

- Айзикова: *Айзикова И. А.* Записные книжки В. А. Жуковского 1840-х годов: к вопросу об эволюции прозы писателя // Вестник ТГПУ. Вып. 3 (40). Томск, 2004.
- Базаров: *Базаров И.* Елизавета Алексеевна Жуковская (1821–1856) // Исторический вестник. 1897. Т. LXX.
- Баженов: *Баженов А. Н.* Соч. и переводы. М., 1869. Т. 2.
- Бальмонт: *Бальмонт К.* «Немая любовь» // Современный мир. 1908. Вып. 9.
- Бартенев: *Бартенев П. И.* Воспоминания // Российский Архив. М., 1994. Т. 1.

гробного памятника Плетневым — автором, как мы знаем, посвященным Жуковским в «тайный канон» его позднего жизне-творчества: «Могилы двух особ, священными узами брака, соединенных при жизни, покрывает ныне один камень, изваянный в виде старинного Русского саркофага. На стороне могилы поэта иссечены следующие слова: “В память вечную знаменитаго певца в стане Русских воинов, Василия Андреевича Жуковскаго <...>”. На другой стороне следующая надпись: “Здесь погребена близ тела супруга ея Елисавета Алексеевна Жуковская, родившаяся в Лифляндии 19 мая 1821, скончавшаяся в Москве 26 ноября 1856 года”. За тем следуют три текста: 1) Веруйте во свет, да сынове света будете. 2) Духом горяще, Господеви работающе: уповашем радующеся — скорби терпяще, в молитве пребывающе. 3) О жено, велия вера твоя». Посредине монумента, в том его конце, который против изображения креста, иссечено: “Да не смущается сердце ваше: веруйте въ Бога и в Мя веруйте”». Последний текст был, как известно, любимым стихом поэта: он был высечен, по его указанию, на «родных» могилах Марии Мойер и Александры Воейковой и завещан для его собственной могилы (см. «Посвящение» к «Налю и Дамаянти»). Друзья поэта и его жены старались выбрать тексты из Священного писания, отражавшие главные качества покойных. Таков, по словам Плетнева, стих из Евангелия от Матфея о верующей жене, «который все видевшие страдальческую и с тем вместе спокойную кончину Е. А. Жуковской и ея прощание с детьми в сию роковую минуту, без сомнения, повторяли в сердце своем» [Плетнев: 144–145].

- Бертенсон: *Бертенсон В. Б.* За 30 лет: листки из воспоминаний. СПб., 1914.
- Веселовский: *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». М., 1999.
- Виницкий 1998: *Виницкий И. Ю.* Поэтический миф Тютчева (О стихотворении «Грустный вид и грустный час...») // Известия РАН. Сер. лит. и языка. 1998. Т. 57. № 3.
- Виницкий 2006: *Виницкий И. Ю.* Дом толкователя. М., 2006.
- Гозенпуд: *Гозенпуд А.* Музыкальный театр в России: от истоков до Глинки. Л., 1959.
- Гофман: *Гофман М. Л.* Жуковский в семье Протасовых и Воейковых // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1925. Т. 9.
- Губер: *Губер Э.* Взгляд на нынешнюю литературу Германии // Современник. 1838. Т. 10.
- Долгушин 2008: *Долгушин Д.* Новый Завет в переводе Жуковского // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа / Пер. В. А. Жуковского. СПб., 2008.
- Долгушин 2009: *Долгушин Д.* В. А. Жуковский и И. В. Киреевский. Из истории религиозных исканий русского романтизма. М., 2009.
- Жирмунский: *Жирмунский В. М.* Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1996.
- Жуковский 1869: *Жуковский В. А.* Собр. соч. СПб., 1869. Т. 6.
- Жуковский 1878: *Жуковский В. А.* Сочинения. СПб., 1878. Т. 6.
- Жуковский 1902: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1902.
- Жуковский 1939–1940: *Жуковский В. А.* Стихотворения: В 2 т. Л., 1939–1940. Т. II.
- Жуковский 1999–: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999–.
- Жуковский в воспоминаниях: Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999.
- Зайцев: *Зайцев Б.* Жуковский. Литературная биография. М., 2001.
- Зейдлиц: *Зейдлиц К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. СПб., 1883.
- Зорин: *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла. М., 2004.
- Илатовская, Пахомова-Герес: *Илатовская Т. А., Пахомова-Герес В. А.* Волшебство Белой Розы. История одного праздника. СПб., 2000.
- Кривенко: *Кривенко С.* Без руля. Заметка по поводу процесса гр. Соллогуба и К° // Русское богатство. 1894. № 6.
- Ланда: *Ланда Е. В.* В. А. Жуковский. Ундина. [Примечания] // Фридрих де ла Мотт Фуке. Ундина. М., 1990.

- Лобанов: *Лобанов В. В.* Библиотека В. А. Жуковского: Описание. Томск, 1981.
- Лямина, Самовер: *Лямина Е., Самовер Н.* «Теснятся все к тебе во храм». Религиозное в эпоху поэтических манифестов // Пушкинские чтения в Тарту, 3. Тарту, 2004.
- Майков: *Майков Л. Н.* Историко-литературные очерки. СПб., 1895.
- Мятлев: *Мятлев И.* Стихотворения. Л., 1969.
- Неверов: *Неверов Я.* Германская Литература в последнее десятилетие: 1830–1840 // Отечественные записки. 1840. Т. 10. Май.
- Носик: *Носик Б.* Царский наставник. М., 2001.
- Огарков: *Огарков В. В.* В. А. Жуковский. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1894.
- Отчет ИПБ 1869: Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1869 год. СПб., 1870.
- Отчет ИПБ 1907: Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1907 год. СПб., 1908.
- Памяти Жуковского: Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Вып. 1. СПб., 1907.
- Переписка Грота: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 1.
- Переписка Жуковского: Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813–1852. М., 2009.
- Плетнев: *Плетнев П. А.* Об употреблении денежной суммы, собранной на сооружения надгробного памятника В. А. Жуковскому // ЖМНП. 1858. Ч. С. Отд. VII.
- РБ 1912: Неизданные письма Жуковского к А. П. Елагиной и А. П. Зонтаг. Публ. И. Бычкова // Русский библиофил. 1912. №№ 7–8.
- Соллогуб: *Соллогуб А. В.* Быль // Театральный и музыкальный вестник. 1883. № 3. 16 января.
- Степанищева: *Степанищева Т.* Пушкин в поэтической системе Жуковского. (О переводе из Ленау) // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VI (Новая серия). Тарту, 2008.
- Топоров: *Топоров В. Н.* Из исследований в области поэтики Жуковского // *Slavica Hierosolymitana. Jerusalem, 1977. Vol. 1.*
- Трофимова: *Трофимова Т.* Музыкальное наследие композитора Михаила Юрьевича Виельгорского // Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина. Записки отдела рукописей. Вып. 2.
- Федоровская: *Федоровская Л. А.* Автограф Баха — дар польской пианистки // Памятники культуры. М., 1998.

- Филькина: Василий Андреевич Жуковский / Сост. Е. Ю. Филькина. М., 2008.
- Щербакова: *Щербакова Т.* Михаил и Матвей Виельгорские. М., 1990.
- Brentano: *Brentano C.* Ein Lebensbild nach gedruckten und ungedruckten Quellen von Johannes Baptista Diel. Freiburg, 1877. Bd. 1. S. 151.
- Challier: *Challier E.* Grosser Lieder-Katalog. Berlin, 1885.
- Dietrich: *Dietrich G.* Aus deutschen Erinnerungen an V. A. Zukovsky // *Orbis Scriptus*, Dmitrij Tschizevskij. Zum 70. Geburtstag. München: Wilhelm Fink Verlag, 1966.
- Gibson: *Gibson C.* Lenau. Leben – Werk – Wirkung. Heidelberg, 1989.
- Hassel: *Hassel P.* Joseph Maria v. Radowitz. Berlin, 1905. Bd. 1.
- Kaiser: *Kaiser K.* Die Künstlerkolonie Willingshausen. Kassel, 1980.
- Kortum: *Kortum K. A.* Die Jobsiade, ein grotesk komisches heldengedicht. Humm und Grefeld, 1839. Bd. 1.
- Lenau 1837: *Lenau N.* Gedichte. 3 Auflage. Stuttgart und Tübingen, Cotta, 1837.
- Lenau 1993–1995: *Lenau N.* Werke und Briefe. Wien: Deuticke Klett-Cotta, 1993–1995.
- Muther: *Muther R.* The history of modern painting. London, 1895. Vol. 1.
- Novalis: *Novalis.* Werke und Briefe. Winkler, 1962. Vol. 2.
- Palmer: *Palmer P.* Some Musical Echoes of Lenau // *German Life and Letters*. 1987. Vol. 4. № 4.
- Radowitz 1853: *Radowitz J. M. von.* Gesammelte Schriften. Berlin, 1853. Bd. V. Zweiter Theil.
- Radowitz 1864: Verzeichniss der von dem Verstorbenen preussischen General-lieutenant J. von Radowitz hinterlassenen Autographen-sammlung. Berlin, 1864.
- Scribe: *Scribe E.* Œuvres complètes. Paris: Furne, 1841. T. III.
- Simonek: *Simonek S.* Zur Rezeption von Nikolaus Lenau in Rußland bis zur Jahrhundertwende // *Lenau-Forum*. 1995. Bd. 21.
- Zweig, Matuschek: *Zweig S., Matuschek O.* Ich kenne den Zauber der Schrift. Wien: Inlibris, 2003.